

НАТАЛИЯ ОСЯДОВСКАЯ

Андрей в Новейшей Эре

КНИГА ТРЕТЬЯ

Наталия Юрьевна Осядовская
Андрей в Новейшей Эре.
Книга третья

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22614731
ISBN 9785448365034

Аннотация

В перемещение на машине времени в будущее Андрей не верил до последнего момента. Приключения, продлившиеся несколько месяцев, кончились возвращением почти в тот же день.

Содержание

Часть первая	5
Предисловие	5
Пролог	8
Глава 1. Я в будущем!	9
Глава 2. Клиника профессора Морисона	18
Глава 3. Новый дом деда	25
Глава 4. Полигон	36
Часть вторая. Мемуары Мартина	47
Предисловие	47
Глава 1. О себе и не только	49
Глава 2. Нам по 20 лет	55
Глава 3. Про любовь	60
Глава 4. Школа проводников и работа в СБ	64
Глава 5. Перемещение в Париж	71
Глава 6. Перемещение для друзей	76
Глава 7. Почти в элите?	90
Глава 8. Провальный рейс	94
Глава 9. Суд	105
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей в Новейшей Эре

Книга третья

Наталия Осядовская

© Наталия Осядовская, 2017

ISBN 978-5-4483-6503-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Предисловие

Я – Андрей Колосов, мне 21 год. И у меня всё в жизни складывалось вполне удачно, хотя я не нашёл ещё ни дела, которому готов посвятить свою жизнь, и не встретил девушку, на которой хотел бы жениться. Но это, я считаю, нормально для моего возраста – находиться в активном поиске.

Жизнь моя круто изменилась из-за «левого» диска. Я, применив пиратскую программу, нашёл код и открыл письмо, пришедшее на мой электронный почтовый ящик, которое, что выяснилось позже, должен был открыть, когда мне исполнится 25. Из письма следовало, что мои родители – не родные, а приёмные. А моя биологическая мать – Эни, которую я знал и любил, как мамину сестру. Но это ещё пол беды. Дело, так сказать, житейское. Эта информация не могла заставить меня разлюбить моих дорогих Павла и Лину, которые меня вырастили. В письме Эни прощалась со мной, потому что была почти уверена, что попала в ситуацию, из которой не сможет выбраться живой. И сообщала, что живёт в далёком будущем, которое она описала в известном фантастическом романе «Путешествия Юлианы».

Павел, мой приёмный отец, подробно изложил мне обсто-

ательства, при которых родила меня Эни, но из роддома меня выписали как рождённого Линой. Теперь этот факт не вызывал сомнений. А вот в то, что Эни живёт в далёком будущем и путешествует во времени, я не поверил. Ни родители, ни подруга Эни Надежда не знали её адреса или телефона. Поэтому мне оставалось только ждать и надеяться, что она сама прилетит или позвонит. До этого происшествия она навещала нас довольно часто.

Но в этот раз она прилетела в Питер почти через два года после нашей последней встречи. Я был тогда в Нью-Йорке, поскольку работал по контракту в модельном агентстве. И увидеться мы не смогли. Я звонил домой практически каждое утро, и мы только поговорили по телефону. Я страшно был рад уже тому, что она жива и хочет со мной увидеться!

И вот Эни прилетела ко мне в Нью-Йорк, не прошло и месяца. Как раз в этот момент нас распустили на пасхальные каникулы. В моей работе намечался перерыв, поэтому я с удовольствием согласился провести несколько дней в Лас Вегасе вместе с Эни. Все эти дни мы с ней провели вместе в её роскошном люксе на 30-м этаже. Много из того, что она мне рассказала, наводило на мысль, что сочинение фантастических романов повлияло на её адекватность. Видя, что не может меня убедить, она становилась всё грустнее. И я не выдержал:

– Да, да, да! Я согласен. Я лечу с тобой в Новейшую Эру,

если это необходимо, чтобы вылечить моего биологического отца.

Пролог

Если с вами происходят разные чудеса, то будет лучше для вас сохранить всё это в тайне. Говорят, что психиатрические больницы уже и так переполнены контактёрами с пришельцами и инопланетянами. А также с привидениями, со святыми всемогущими пророками и нечистой силой. Совет – сделайте вид, что ничего этого не было!

Глава 1. Я в будущем!

Дневник Андрея

Меня никто и не думает разыгрывать! Эта здравая мысль пришла мне в голову, еще, тогда, когда мы ехали на микро-автобусе прочь от Лас Вегаса. Сборы, посадка, да и вся атмосфера – всё было настолько серьёзно и по-деловому, что приколы исключались. Тем более, что полную очистку организма от пищи и отходов жизнедеятельности мне сделали с двух сторон, каким-то хитрым, хотя и максимально удобным способом. Технология очистки, как я понял, отработывалась много-много раз. Всем членам экипажа проделали то же самое.

Так что «писательские фантазии» вполне буднично обрели реальность. Наш автобус мчался по направлению к закату, за спиной остался великий город переменчивого счастья. А впереди у меня была такая перспектива, что голова немного кружилась, а сердце трепетало в предвкушении.

Чувство сладкой жути, когда немеют кончики пальцев на руках и ногах, а по спине начинают бегать мурашки. Вот, пожалуй, как можно описать ощущение, которое то в большей степени, то в меньшей подступало к горлу, пока Том привязывал меня к огромному креслу странного вида в обширном помещении с затейливо-объёмным фигурным потолком. Мы спустились сюда на маленьком открытом лифте.

Кроме Тома и Эни, с нами были трое мужчин. Я сразу понял, хотя команды отдавал Том, что Эни – здесь самая главная. Мужчины, переодевшись, занимали свои кресла, которые их зафиксировали автоматически. Этот процесс я наблюдал, пробираясь вслед за Томом к своему месту. Я тоже переоделся в серый комбинезон, такой же, как у других. Потом меня Том сам привязывал к совсем другому – особенному креслу с мягкими дутыми вставками и с множеством приспособлений. В это время к нам подошла Эни. Она ободряюще мне улыбнулась и сказала:

– Это кресло предназначено для перевозки раненых. Так что ты переместишься со всем мыслимым комфортом, как особо ценная персона. Не бойся, расслабься – сейчас ты заснёшь. Это последнее, что я услышал, одновременно почувствовав небольшой укол в плечо. Сон свалил меня мгновенно.

Побуждался я, как будто спал долго-долго. Помещение было совсем другое – это я отметил сразу. Там, где меня привязывали к дутому креслу – потолок был необычной фигурной формы, но небольшой, вернее обычной высоты. Здесь я лежал на очень удобной широкой белой лежанке, а руки и ноги мои уже не были зафиксированы круглыми эластичными скобочками. Я был один в этой весьма просторной комнате без окон, а потолок её, я даже не сразу смог понять, есть ли он – так он был высоко. Потолок и стены светились

приятным голубоватым светом.

Мы благополучно долетели! Я – на месте – на Земле, но почти через 900 лет. На родине моих биологических родителей. С ума сойти! Это всё-таки возможно. Все перегрузки, о которых я читал в романе, я благополучно проспал. И даже ничего не болит. Только небольшой дискомфорт – пустой желудок требует топлива!

На мне надета мягкая и лёгкая облегающая бледно-салатовая пижама, в нужных местах более и менее эластичная, которую надевали на меня, наверное, через голову, потому, что ни пуговиц, ни кнопок я не обнаружил. Может какие-то липучки? Догадка оказалась правильной. Изучая, как устроена моя пижама, я сел и спустил ноги на гладкий серебристый пол.

Почти сразу дверь, распахнувшись с мелодическим аккордом, впустила Эни в нарядном сером комбинезоне в стиле сафари. Вместе с ней стремительно вошёл огромного роста мужчина с белыми волосами и тёмным красноватым загаром. Лицо его мне показалось странно знакомым. На нём тоже был серый с чёрными стрелочками комбинезон.

– Андрей, познакомься это твой дед! – сказала Эни. Мужчина протянул мне руку:

– Мартин. – Он смотрел на меня во все глаза и улыбался.

– Как ты себя чувствуешь? – по-английски он говорил с тем же акцентом, что и Эни.

– Хорошо. Хочу есть, – ответил я ему. Он почему-то рас-

смеялся, и я с ним тоже.

Потом мы все вместе шли по коридору. Около входа в «Исследовательский центр», эта надпись светилась прямо на стене, Мартин нас покинул со словами: «Мы ещё увидимся сегодня!»

А я и Эни вошли через автоматически раздвинувшиеся полупрозрачные двери, и... к работе приступила целая команда медиков. Они подвергли меня разным тестам в огромном кабинете, напичканном аппаратурой. Эни была всё время рядом. Вердикт был, видимо, что всё в порядке. В конце мне выдали серебристо-серый комбинезон, почти такой же, как тот в котором я перемещался. Надеть его я смог без посторонней помощи – Эни только слегка затянула на мне талию и щиколотки, сделав его более прилегающим. Подвела к зеркальной плоскости и сказала:

– Комбинезон тебе идёт. Самому-то нравится?

На меня смотрел симпатичный юноша в серебристо-сером комбинезоне. И это был я!?

Теперь Эни повела меня в «Питательный центр» – так буквально переводилось на русский язык название, светящееся на стене. Мы подошли к небольшому табло, и Эни набрала на нём всё, что нужно. Подождав пару минут, мы пошли вслед за синей стрелочкой, которая засветилась прямо на полу у нас под ногами и бежала немного впереди. Я чуть замешкался, заглядевшись на очень красивый потолок с объёмной мерцающей росписью, и стрелка встала, вибрируя, по-

дождала нас. Наконец стрелка подвела нас к столику, с одной стороны огороженному ширмой из растений и цветов. Искусственные! Я их исподтишка потрогал. Еда нас уже дождалась на белых, плоских, изготовленных из материала, похожего на толстый пластик, тарелках. В овальной выемке в середине стола находились приспособления. Я выбрал вилку и маленькую ложечку из чего-то серебристого, которые показались мне более привычными. Еда представляла собой шарики разноцветного пюре, сдобренные белым соусом. Я был голоден, и опустошал уже третью тарелку, которые одну за другой подвигала мне Эни, когда подошёл Мартин. Он подхватил стул из прозрачного пластика, сел на него верхом и подвинулся к нашему столу.

– Здешняя еда тебе вряд ли понравилась. Но это здоровая пища, сделанная специально для каждого пациента. – Он подмигнул мне и продолжал. – Всё у нас впереди, мы ещё попробуем что-нибудь менее полезное, но более вкусное.

Он говорил достаточно медленно, и я хорошо всё понимал. Я ответил, что мне еда понравилась. Только на мой вкус маловато соли.

Эни с Мартином переглянулись и засмеялись. Потом он сообщил:

– Я всё решил. Ты можешь взять Андрея к себе. И всё-таки, может быть, лучше ко мне?

– Нет, Мартин. Сегодня он будет ночевать у меня. Завтра всё равно мы едем в клинику Морисона. А после клиники

с тобой обсудим, как быть дальше.

И мы с Эни поехали к ней в соту. Прочитав её книгу, я всю дорогу представлял, как там всё будет. Мы вдвоём ехали здешним Метротакси, и это действительно очень удобно и здорово. Мягкая капсула, облицованная маленькими золотистыми панелями, удобный диванчик, прекрасная вентиляция, приятная музыка. Полчаса пролетели незаметно. Выходим прямо у входа в лифт. Опускаемся к соте. Эни снова набирает номер. Вот она – дверь, которая открывается наложением одного пальца. Нас встречает большой белый кот, которому я должен потереть носик. Эни рассказала мне про это, когда мы ехали. Только я с ним это проделал – он начал ко мне ластиться. Такой симпатяга!

Прошло несколько часов, пока Эни показала мне все «навороты» своей соты. Я плескался в душе с эффектом водопада с настоящей и виртуальной водой со спецэффектами и цветомузыкой. А на экране менялись виды всяких приморских райских мест. И звучала прекрасная музыка, которую я никогда прежде не слышал. Полный релакс и СПА салон в одном флаконе! Ещё мы съели очень вкусный ужин и заказали для меня три комплекта одежды.

Меня Эни поселила в кабинете. Спальное место выдвигалось каким-то чудом прямо из стены. По моему росту Эни его удлинила и, справившись у меня как лучше, сделала его умеренно мягким. Они, как я понял, с детства привыкли спать на твёрдом и мыться почти холодной водой. Прямо как

спартанские воины! Где здесь компьютер – я сразу определил. Вполне похож на то, к чему я привык дома. Хотя тут, конечно, много опций, которые мне непонятны. Эни сообщила, что будет спать в гостиной – ложе там стационарное, почти квадратное и видеосистема с панелью управления на целую стену и часть потолка.

Потом, расположившись на этом квадратном ложе, как на диване, мы смотрели вместе видео. Эни снимала его, когда я был совсем маленький. Она мне рассказала, что в той поездке они были вместе с моим отцом. Именно тогда мы впервые встретились и познакомились. Я помнил кое-что из той встречи, но отца не помнил совсем. У меня дома есть несколько фото, отснятые в те дни, но отца на них тоже нет.

– Мне очень понравился дед. По-моему, я на него похож.

– Ты ему тоже. И я этому очень рада.

– А с отцом я познакомлюсь завтра?

– Это будет решать профессор Морисон. Твой отец пострадал в экспедиции. Ему грубо, варварски стёрли память. В любом случае ты его увидишь. – Немного помолчала и добавила:

– На сегодня хватит впечатлений. Завтра утром мы едем в клинику. Когда вернемся, я научу тебя пользоваться моим компьютером.

Я полушутя полусерьёзно опустил перед ней на колени и попросил:

– Прости мамочка! Я считал тебя фантазёркой.

– Я давно поняла, что ты считаешь меня врушкой. – Она засмеялась и поцеловала меня.

– А теперь нам обоим пора спать.

Выспался я на новом месте просто чудесно. Приснилась мне почему-то Олеся. Проснувшись, ещё под впечатлением, что мы с Олесей плывём куда-то на яхте под белым парусом, я почему-то резко вспомнил Анюту. Она никогда не просила меня ни о чём. А тут мне совершенно чётко показалось, что ей срочно необходима моя помощь.

– А она, наверняка, и думать обо мне забыла. – Решил я и выкинул всё это из головы.

Эни не спала. Она уже заказала нам завтрак, и мне оставалось только принять душ, который вновь привёл меня в шенячий восторг. Одежда, которая пришла по сети, вполне могла бы быть и в наше время. Я надел что-то вроде свободной тенниски на липучках и лёгкие брюки, чуть затянутые внизу. А вот обувь у меня сначала вызвала некоторый дискомфорт. Как будто мелкий песок насыпали в сандалии. Эни меня успокоила:

– Привыкнешь через пару часов. Это очень полезная массажная стелька, она должна к тебе примяться. Зато ноги совершенно не устают.

Я подумал, что ногам здесь и устать негде – сплошные поездки в лифтах и их аналогах. «Песок в сандалиях» я и вправду вскоре перестал замечать.

После завтрака Эни подарила мне билайзер – аналог на-

шего мобильного. Всю дорогу до клиники она учила меня им пользоваться.

Для разминки я позвонил Мартину под руководством Эни. Мы обменялись приветствиями и пожеланиями удачного дня.

– Теперь ты можешь общаться с дедом самостоятельно. – Улыбнулась она.

Глава 2. Клиника профессора Морисона

Клиника произвела на меня впечатление роскошного отеля для избранных, хотя я уже был в медицинском центре, и там тоже было чему удивиться.

– Эта клиника действительно не для всех. Профессор Морисон занимается всякими особыми случаями. А лечение при повреждениях памяти – его главная тема. Профессор – наилучший специалист в этой области. Как раз он и подал идею о родственном донорстве для Сандро.

Профессор произвёл на меня двойственное впечатление. Проницательные чёрные глаза, седые волнистые волосы до плеч – в голливудских фильмах так выглядят, обычно, злые волшебники. К тому же я под его взглядом чувствовал себя, как бы это сформулировать, биообъектом каким-то. Внушил себе, наверное.

После того, как Эни ему всё вкратце объяснила, он взял у меня прямо в кабинете кусочек ногтя и отправил на срочный анализ. Потом бегал по кабинету, ожидая результат анализа, и от нетерпения потирал руки:

– Это очень-очень интересно. Ещё лучше бы Андрею побыть у нас в клинике дня два-три. Можно будет сделать некоторые процедуры, которые не будут лишними даже в его юном возрасте. – Предложил профессор.

– Давайте, всё же, дождёмся результата анализа. – Ответила Эни. – А как чувствует себя Сандро?

– Прогресс реабилитации замедлился. Как я, впрочем, вам и говорил, когда мы виделись в последний раз. Сейчас он рассуждает на уровне подростка 12-ти лет.

– Можно на него посмотреть? – попросила Эни.

Профессор набрал что-то на мониторе и через несколько минут в комнату вошли двое – высокий, атлетически сложенный красивый мужчина и восточного типа маленькая девушка в бирюзовом фирменном комбинезоне. Девушка, видимо, здесь работает, а мужчина и есть мой отец. Это было понятно сразу. Его лицо и вправду очень походило на то, которое я видел, бреясь, каждый день в зеркале. Светло-русые волосы, правда, острижены очень коротко. Зато скулы и подбородок обрамляет мягкая тёмная бородка.

– Волосы пришлось остричь? – Эни укоризненно посмотрела на Моррисона.

– Он сам выбрал этот новый облик. Смотрясь в зеркало, он видит взрослого зрелого мужчину. Это тоже входит в мою методику. – Ответил профессор.

Сандро поздоровался с Эни голосом автоответчика без всяких эмоций. Эни сказала ему:

– Сандро, это Андрей. Я привезла его, чтобы помочь тебе.

– Я рад знакомству. – Вежливо ответил Сандро. И оглянулся на профессора.

– Вы ещё увидите. Сандро, тебе пора на занятия. Какой

у тебя сейчас урок?

– Мой самый любимый – музыкальная грамота, – ответил Сандро. В его низком голосе появились тёплые нотки. И заторопился к выходу.

– Учителя музыки к нему приходят каждый день. Мы заключили договор с академией.

Прогресс по этому предмету самый быстрый. По остальным предметам – обучение происходит в основном с экрана, – Моррисон помолчал немного и продолжил:

– Девушка, которая приходила с ним – её зовут Николь – дипломированный психолог. Она пишет по этому случаю научную работу. Я ей доволен. Молодец! Очень способная и добросовестная.

Тут экран ожил. Пришли результаты генетического теста. Профессор, видимо сравнивая результаты моего анализа с данными Сандро, проделал несколько манипуляций на компьютере. Когда подсчёт был закончен, он даже зааплодировал:

– 97% совпадения. Великолепно! Сандро очень-очень повезло. Ну, так что? Андрей сможет остаться у нас прямо сейчас?

– Ты согласен? – спросила Эни.

Разумеется, я был согласен. Эни проводила меня до самой моей отдельной палаты, где было просторно и красиво, как в номере люкс. Быстро разобравшись, научила меня, как включать видеосистему, как вызывать персонал, если что-то

нужно. Показала на билайзере, как она ведёт дневник.

– И в любое время звони мне или деду, если надо будет посоветоваться.

*****

В этот же день меня взяли в оборот. Манипуляций и процедур было проделано очень много. Я даже не заметил, как стал донором для Сандро. Все мои параметры оказались в пределах нормы. Я этому не удивился. У меня и дома не находили никаких болезней. Я не курю, практически не употребляю алкоголя и стараюсь не есть что-попало. Моррисон предложил сделать профилактическую очистку кровеносной системы. Я, посоветовавшись с Эни, согласился. Всё равно мне предстояло провести несколько дней в клинике – под наблюдением профессора.

*****

И вот наступил день, когда профессор Моррисон объявил мне, что завтра я смогу покинуть клинику. Всё что нужно для Сандро он уже сделал. Отторжения не произошло.

Меня эта весть с одной стороны порадовала, а с другой не очень. Я испытал почти те же чувства, какие испытываешь, возвращаясь домой с отдыха.

В первый же день, когда я нажал кнопку вызова персонала, пришла Рут, как она представилась позже. Маленькая, азиатского типа, вся такая фарфоровая, изящная куколка с певучим мяукающим говорком. Сначала я подумал, что это та же самая девушка, что приходила с Сандро. Потом

я понял, что ошибся. Это профессор Морисон умудрился набрать себе такой персонал! Они действительно все похожи на первый взгляд. Рут была прикреплена к моей палате. Она приходила за мной и провожала на процедуры. Когда мы познакомились ближе, она предложила мне сделать массаж. Никогда бы не поверил, что просто от массажа можно словить такой кайф!

Рут научила меня пользоваться поисковиком, и я находил и смотрел фильмы, которые не так просто найти и у нас. Посмотрел несколько фильмов и их времени. Они произвели на меня впечатление чрезмерно воспитательно-поучительных, как литература для подростков. Когда я пожаловался Рут, что в еде мало соли она принесла мне целую коробку с несколькими отделениями. В каждом отделении – разноцветные маленькие остренькие чипсы со вкусом рыбы, овощей и ещё чего-то неопределяемого. С такой добавкой здешняя еда мне вполне подходила и даже нравилась. А вот хлеб здесь не пекут. Медицина считает, что он не полезен для организма.

Мы разговорились. Я не стал ей говорить, что переместился из 21 века. Просто сказал, что специализируюсь по русской истории. Она учится на психолога и одновременно работает в клинике Моррисона.

Во вторую же ночь она ко мне пришла. И это был лучший секс в моей жизни. И во внешности и в отношениях Рут – смесь юности, даже почти детскости и материнской заботы.

И стремления угадать каждое твоё желание. Я был в восторге!

– Не говори профессору! – Попросила она. – А то у нас здесь секс только по его назначению. Я отключала камеры. – Она поцеловала меня и исчезла.

Я был счастлив. Во всяком случае, такой физической гармонии у меня не было ни с кем и никогда.

Эни, с которой мы перезванивались несколько раз на дню, я ничего не сказал о наших отношениях с Рут. Пару раз мне звонил дед, интересовался, как я себя чувствую, и когда меня выпишут. Говорил, что у него составлена для меня целая программа.

Рут, как мне показалось, тоже в меня влюбилась. Но однажды ночью ко мне пришла другая девушка. Я даже не сразу определил это в темноте. На следующий день утром на вызов явилась Рут.

– Тебе понравилось с Николь? – спросила она, как ни в чём не бывало.

– Что? Так ты знала?

– Сама я всё равно пролетала мимо. А Николь моя лучшая подруга. – Рут невинно хлопала ресницами.

– А я что кусочек тортика, которым можно поделиться с подругой?

– Если не будешь делиться – и с тобой делиться не будут. Вот такие у них тут порядки. Полный абзац!

Мы с Рут на следующий день помирились, и я попросил

её больше не присылать ко мне подруг. В нашу последнюю ночь она пригласила меня к себе в соту. Я попросил номер её телефона, так как не знал, что и как будет дальше.

Глава 3. Новый дом деда

В день выписки за мной приехали Эни и Мартин. Мои дорогие родственники!

Теперь мы ехали к Мартину. Он был радостно возбуждён и твердил всю дорогу, что это будет сюрприз не только для нас, но и для него. Выйдя из капсулы, попадаем в обширный вестибюль с множеством выходов. Мартин повёл нас к одному из них и приложил к отверстию свой палец. Дверцы раздвинулись, как в метро. Мы вышли на открытую площадку.

В первый раз я видел поверхность Земли будущего! Яркое солнце и плотный порывистый ветер. Небольшое горное озеро в скалах. Растительность отсутствует, во всяком случае, на первый взгляд. Я не испытывал никакого дискомфорта относительно воздуха и в помещениях, но здесь он просто опьянял. Хотелось дышать полной грудью. Но воздух, как мне показалось, обладает немного другим составом и плотностью. Разноцветные скалы серо-коричнево-розовые довольно резко обрываются к тёмно-голубой воде озера. Недалёкий противоположный берег в лёгкой дымке. Маленький катер у причала. Мы спустились по каменным ступенькам почти к самой воде. Вход в дом был именно отсюда. Дом почти весь уходил в глубь скалы. На поверхности был только обширно застеклённый фасад достаточно большой площади. Озеро и скалы как бы входили в интерьер

входа в дом. Стеклянная дверь раздвинулась, пропустив нас внутрь. Высота огромного холла и равнялась высоте фасада. А три этажа жилых помещений начинались в глубине этого холла-гостинной. Первый этаж – дальше, чем второй и третий, которые чуть нависали над первым, образуя сложную криволинейную поверхность.

Мы стояли потрясённые красотой этого холла и, как мне показалось, дед испытывал те же чувства. Он и нарушил первым затянувшееся молчание:

– Я разрешил специалистам, которые здесь поработали, не согласовывать со мной детали реконструкции этого дома, построенного 20 лет назад. Тем более, что времени у них было всего две недели. Я доволен! Получилось хорошо. Справились, – Произнёс он.

– Время, которое я был в клинике профессора Моррисона, – отметил я про себя, но промолчал.

– Будете с Андреем здесь жить. Твоя сота, конечно, для одного хороша, а вдвоём там тесно. – Продолжал он.

– Спасибо, Мартин. Какое может быть сравнение с моей сотой? А ты сам, тоже будешь жить здесь с нами?

– Я буду успевать на два дома. Мой рабочий кабинет остался там в соте. Я его пока не переносу. Сделаю это, когда закончу все дела с фариями – не раньше.

– Что грустили? – продолжал Мартин. – Располагайтесь! – Он показал нам комнаты, которые оборудовали специально для меня и Эни. Они располагались на втором эта-

же одна напротив другой и были почти одинаковые, только отделка моей серо-голубая, а та, что предназначалась Эни – лимонно-жёлтая.

– Твой любимый цвет мне известен, – сказал Эни дед. А для тебя я заказал тот, что люблю сам. Тебе понравилось? – спросил Мартин, обнимая меня за плечи.

– Ещё бы не понравилось, – я был растроган. Чувствовал себя наследным принцем каким-то. Я обнял Мартина и сказал:

– Спасибо за всё!

В этот первый день нашего совместного общения Мартин был в ударе. Мы с Эни едва поспевали подхватывать его инициативы. Сначала мы зарядили спецгриль для шашлыков и, оставив его на берегу исполнять программу, катались на катере по маленькому озеру. Про катер, если коротко, можно сказать три слова – лёгкий, стремительный, полупрозрачный.

– Хотя это достаточно простая конструкция, защита от дурака поставлена очень хорошая. Сообщил нам Мартин.

Он направил катер прямо на скалу, отвесно уходящую в воду и ...в последний момент катер сам вывернул в сторону, спасая нас от неминуемой гибели, подняв тучу брызг. У меня сердце рухнуло куда-то вниз, но я сдержал рвущиеся наружу эмоции. Эни же завизжала, как девчонка. Мартин обнял её за плечи, поцеловал и сказал примирительно:

– Ну, прости, прости, Малыш, больше не буду.

Мне уже и так было понятно, что они не просто коллеги по работе и старые друзья. И я был этому только рад. Мартин, получалось, мне и дед, и отец одновременно.

Потом мы с Эни по очереди управляли катером под его чутким руководством. Она даже пожелала повторить «наезд» на скалу. Такого эффекта, конечно, не получилось, но был и второй раз выброс адреналина в крови. Я его почувствовал.

Накатавшись, мы расположились на небольшой уютной каменной площадке, отвесно обрывающейся в море. Мартин принёс большое блюдо, в которое вытряхнул содержимое гриль-устройства. Оно было поставлено на специальный выступ. Дружно ели ароматные ещё горячие шашлыки, сидя на каменной скамье лицом к озеру.

В первый раз в Новейшей Эре я ел не менее вкусную, чем у нас еду. Настоящее мясо на живом огне.

– Неужели здесь выращивают скот и разводят птицу? – спросил я, отдавая должное шашлыку из ягнятины и куриным отбивным.

– А что, правда, очень похожи на настоящие? – ответил Мартин вопросом на вопрос. Я утвердительно кивнул.

– Нет, конечно. Это всё продукты нанотехнологии. Как и другая еда. Просто то, что мы едим каждый день намного проще сделать. А такие деликатесы делаются для клубов и ресторанов. Когда я занимался «Паутиной», то в деталях изучил все эти вопросы. Настоящие только некоторые мо-

репродукты типа мидий и устриц. Наносинтезаторы смотреть не интересно, а на ферму морепродуктов я могу тебя свозить. Но сначала мы съездим на полигон и покатаемся на транхавере. Когда ты был совсем маленький, я был с Эни в Питере и хотел тебя прокатить, но ...не получилось. Ты болел, да и погода была не очень подходящая.

Я не совсем понял, шутит он или как?

– Завтра мы едем в Кошкин Дом. Эни ты с нами? – мама согласилась с энтузиазмом.

– Там у меня что-то вроде экспериментального аквапарка. Тебе понравится.

Но это мероприятие неожиданно отодвинулось.

У Мартина заработал билайзер. Он выслушал чью-то взволнованную речь и спросил своего невидимого собеседника:

– Ну, а сам ты не можешь принять решение? – выслушав ответ, Мартин вздохнул:

– Придётся мне отъехать часа на три. Не ждите меня, можете здесь посидеть или, ещё лучше, проходите в дом, располагайтесь. Если что-то будет не понятно – звоните, – он совсем загрустил и удалился.

Мы с Эни решили посидеть ещё на каменной скамье с видом на озеро. Солнце садилось за гору, и вид был потрясающий. Эни вкратце рассказала мне историю с фариями, которой занимался Мартин. У меня возникло сразу множество вопросов, но Эни и сама не знала деталей.

– Расскажет сам, когда будет какая-то ясность, – предположила она. Тем временем солнце село. Автоматически включилась подсветка и дома, и пристани, и нашей уютной площадочки. Огни отражались в озере, и было даже красивее, чем днём. Но вдруг как-то резко похолодало, и мы с Эни пошли устраиваться.

В доме обитали, оказывается, два кота – рыжий и серый. Роботы, разумеется, как и белый кот Цезарь, обитатель машиной соты. Они вышли нам на встречу, и мы остановились, и они тоже. Пришлось звонить Мартину на билайзер. Точки приручения у них оказались под мышкой правой лапки. Эни дала мне выбирать первому, и я выбрал рыжего. Приручили мы, впрочем, каждый обоих. Жить—то рядом будем!

– Эни, а сколько я пробуду ещё в Новейшей Эре?

– Это серьёзный вопрос. Давай выйдем опять на площадку и там всё обсудим. Она разыскала нам по куртке, и мы опять вышли на воздух. – Эни, открыв пульт, который я тоже заметил, когда мы сидели на каменной скамье, включила музыку.

– Я не знаю, как тут с устройствами слежения. Давай лучше здесь. – Она помолчала немного, как бы собираясь с духом.

– Я верну тебя, как и обещала, ровно в то же время в Лас Вегас. Плюс сутки. Встреч с самим собой лучше избегать. Сейчас, правда, все туристические окна на профилактике в связи с некоторыми событиями. Но американское окно бу-

дет открыто через неделю или две. Так что времени ты не потеряешь. – Помолчав немного, она продолжала:

– Неужели тебе здесь не интересно? Пробудешь – сколько захочешь. Можешь совсем остаться. Это тоже возможно. Ты мог бы быть, к примеру, историком именно вашего периода. Я интересовалась – специалистов по истории начала 21 века здесь нет. Так что для тебя будет обширное поле деятельности. Язык немного подучишь и будешь уникальным специалистом. А можешь стать проводником как я. Школа Проводников – собственность Мартина. Тоже для тебя очень перспективно. Мартин рано или поздно захочет отойти от дел. Или от их части. У него очень много проектов, причём в разных областях. Сейчас он вводит меня в курс некоторых из них. Я должна буду помогать ему, пока он сильно занят с делом фариев. – Я молчал. Не знал, что сказать.

– Я не прошу тебя ответить мне сейчас. А на твой вопрос я ответила? – я кивнул.

– Вот и хорошо. – Эни обняла меня за плечи. – Пойдем спать, сынок. Мне завтра рано вставать.

Утром на свежую голову Эни показала мне как: заказывать еду, принимать душ с прибаmbасами, пользоваться компьютером и архивом стереосистемы. Настоятельно просила меня звонить ей и консультироваться при малейшем в чём-нибудь сомнении.

– Позвони Мартину – ему будет приятно, и попробуй по-

чувствовать себя как дома, – Эни уехала в Школу проводников, где они с Мартином должны были встретиться.

Весь день я провёл один с двумя котами, которые развлекали меня изо всех сил. Эни уже

кормила их утром, но они всё равно выпрашивали у меня угощение, когда я завтракал и обедал, причём не только понимали все команды, но и могли выразить свои желания. Могли с кошачьим акцентом сказать «дай» и «пошли». А когда Рыжик, в знак благодарности погладил меня лапой по коленке и мяукнул, что я хороший – моё сердце окончательно растаяло.

Я не торопился влезть в Сеть или в Архив, хотя не сомневался, что там есть что посмотреть. Этим я уже много занимался в Клинике. Мне пришёлся очень кстати этот день, чтобы подвести некоторые итоги и разобраться в себе.

Скучаю ли я по Новой Эре и хочу ли домой? И да, и нет. Я почти три месяца не видел Лину с Павлом, моих любимых родителей. Всё равно связь с ними у меня сильнее, чем голос крови, который я пока не ощущаю. Я люблю и Эни. Полюбил я её не сейчас, когда выяснилось, что она моя биологическая мать, а гораздо раньше. Мне нравится Мартин.

К Сандро я равнодушен, но мне приятно, что я смог ему помочь.

Интересно ли мне? Очень!

Я ещё только начинаю понимать какая мне выпала роль, что я избранник судьбы, что при всей случайности моего по-

явления на свет я уже сейчас могу проложить мостик между двумя цивилизациями, живущими на Земле. Пусть в разное время.

Но, получается, что общение между нами вполне возможно? А может и обмен опытом? И если люди из будущего перемещаются как туристы в прошлое, почему бы нашим не перемещаться в будущее? Не прошло и месяца, как я здесь, а сколько всего увидел и узнал. Я просто лопаюсь от информации. Но у меня нет чувства, что это мой дом. Я не хочу остаться здесь навсегда, даже если смогу навещать иногда Лину с Павлом.

К тому же, если я останусь здесь, у меня никогда не будет сына или дочери. Не то, что я вдруг сильно этого пожелал, но, представив, что этого не будет никогда, мне стало как-то не по себе. Мне вспомнился наш с Анютой короткий опыт семейной жизни. Из этого страшного далека наши тогдашние проблемы казались маленькими.

После обеда я подремал, потом покатался на катере. Нагулявшись, капитально устраиваюсь возле компьютера. Как раз в это время Эни позвонила, что она уже на пути к дому.

Появились они с Мартином одновременно. В руках у него красовалась довольно объёмная коробка, в которой оказались любимые сладости Эни.

– Любишь сладкое? – подмигнул мне Мартин.

– Люблю. Но стараюсь не злоупотреблять, – честно ответил я.

– А, ну да. Мы с тобой и не будем злоупотреблять. Просто не успеем. – Засмеялся он.

Сразу заказали ужин по Сети и украсили его сухим вином, которое нашлось в баре. Завершили пир сладостями из коробки с настоящим кофе. Настроение у всех стало просто превосходным. Для начала Мартин попросил:

– Покажи, как ты ходишь по подиуму. Я тоже хочу попробовать.

Я рассказал, что на подиуме, обычно, создаётся какой-то образ. И показал – для примера

Мальчиша Плохиша. Мартин и Эни хохотали и тоже пытались подражать моей походке и жестам. У Эни получилось почти сразу. Её Плохиш озирался, шмыгал носом и натягивал на глаза воображаемую кепку. Мартин нашёл для себя другой образ. С его огромным ростом и атлетической фигурой он ходил как Терминатор, играя мускулами и задрав нос.

Мы вместе находили всё новые образы и хохотали. Коты тоже пришли в восторженно-возбуждённое состояние и носились рядом.

Когда солнце стало садиться, вместе, надев куртки, вышли на берег озера. Устроившись втроем на «музыкальной» каменной скамье, любовались вечерним небом под аккомпанемент каких-то торжественно – сладких мелодий.

– Так. Завтра едем в Школу Проводников. Ты, надеюсь, не против? Обещаю, что будет интересно! Это Эни будет работать, а мы с тобой – отдыхать и развлекаться. – Я уже за-

метил – Мартин, как правило, произносил свои предложения в окончательном варианте, но возражать ему совершенно не хотелось.

Перед сном Эни зашла ко мне и объяснила, что принимает дела по Школе. Мартин решил внедрить туда своего человека для контроля.

– Поэтому перемещаться во времени, просто сопровождая туристов, мне придётся всё меньше и меньше. Как ты провёл утро? Тебе было интересно?

Я ответил, что мне здесь хорошо. Дом на поверхности для меня место более привычное, чем сота, даже такая классная, как у неё.

– Что ты решил по поводу возвращения? – Эни смотрела на меня с надеждой.

– Я пока остаюсь. Но не насовсем.

– Если решишь остаться насовсем, нужно будет решить некоторые вопросы – зарегистрировать твои биопараметры, поставить чип. Всё это решается. Впрочем, ты прав.

Не будем торопить события!

Глава 4. Полигон

Весь следующий день мы провели вдвоём с Мартином. Сама Школа располагалась внизу, и Эни осталась в офисе принимать дела, а мы с дедом отправились дальше.

Короткая поездка в капсуле и выходим на поверхность, миновав круглый зал, где на специальной вешалке находятся комбинезоны и стоят ботинки на липучках. Переодевшись, выходим на обширное плато между округлых гор. Здесь есть даже растительность – невысокая упругая травка темно-зелёного цвета. Идёшь по ней, и появляется приятный запах зелени. Не холодно, но плотный упругий ветер постоянно отбирает впечатление комфортной окружающей среды.

Кроме выхода, откуда мы появились, на поверхности располагается ещё одно сооружение. К нему мы и направились.

– Сейчас я подберу то, на чём мы будем сегодня кататься! – Мартин открывает дверь «одним пальцем». Это что-то вроде склада, только заполнен он до потолка. Мартин набирает на табло то, что нужно, и всё приходит в движение. Нужный экземпляр величиной с самый большой чемодан он отцепил, и сунул в карманы пару серебристых баллончиков по величине как дезодорант, потом кивнул мне, что можно выходить.

На каменной ровной площадке мы расчехлили и аккуратно разложили «тарелочку».

– Теперь осталось привести его в рабочее положение. – Мартин подсоединил «дезодорант» к известной ему точке. Трансхавер на глазах начал увеличиваться в размерах. Когда он стал метров шесть в диаметре, процесс сначала замедлился, а потом прекратился, и с одной стороны замигала радужная подсветка, обозначающая вход.

– Добро пожаловать на борт! – примерно так можно перевести, то, что сказал Мартин, наслаждаясь изумлением и восхищением, которое читалось, видимо, на моём лице.

Мы взлетели мягко, но стремительно. Высоту набрали небольшую, а скорость можно было плавно регулировать. Выпуклая круглая и прозрачная крыша трансхавера и передняя часть стенки тоже прозрачная не скрывали прекрасных видов, панорамой развёртывающихся перед нами. Округлые тёмно-зелёные холмы сменились голыми скалами причудливой формы, которые громоздились вдоль устья реки, то широко разливавшейся, то образующей каскад водопадов.

– У нас тоже красиво. Тебе нравится? – Мартин заглянул мне в глаза.

– Не то слово. Я потрясён и восхищён. А можем мы сделать посадку, чтобы подольше посмотреть на водопады?

– Сейчас. На обратном пути.

Конечный пункт, до которого мы долетели – небольшое темно-синее озеро в скалах, из которого вытекала река и...

Как на стенку наткнулись.

– Дальше – не наша территория. Здесь не ошибёшься!

Мы вернулись к водопадам и Мартин, выбрав место, посадил трансхавер.

Выйдя наружу, я почувствовал плотный колючий ветер и промозглый туман, который поднимался от воды. Спускаясь по каменным ступенькам ближе к воде, увидели серебристую дверцу, которую Мартин открыл тут же «одним пальцем». Пройдя небольшой коридорчик, мы каким-то чудом попали в довольно большую комнату с прозрачной стеной, выходящей прямо на водопад. Я не удержал восторженного восклицания. Мартин рассмеялся довольным смехом.

– Здорово, правда? Я когда-то принимал непосредственное участие в оборудовании этого полигона. Даже «ключи» мои везде так и стоят. Это комната отдыха для курсантов. Можно перекусить в спокойной обстановке с видом на водопад.

Мартин заказал нам еду, которую доставили сюда почти с той же скоростью как в соту. Мы вместе устроились на длинной, обтянутой чем-то мягким лавке около прозрачного столика, который Мартин добыл из стены. Все удобства типа помыть руки здесь тоже присутствовали. Система вентиляции, передавала свежий запах воды. А вот ветер и промозглая сырость отсутствовали. Когда с едой было покончено, Мартин попросил:

– Расскажи мне про твоих, родителей там в Петербурге.

Я подробно рассказал про отца, который воевал в Афгане, про маму Лину, которая работала медсестрой в госпитале.

Про то, что после ранения отец не мог иметь детей.

Но, несмотря на то, что отец потерял здоровье на войне, у него не было ни дома, ни хорошей денежной работы. Им было отказано даже в усыновлении, но тут их нашла подруга Эни. Она же помогла купить хорошую квартиру, в которой я вырос.

Рассказ получился таким подробным, потому, что дед по ходу задавал вопросы. Его интересовали подчас даже мелкие детали.

– Да, жизнь порой несправедлива, – вздохнул Мартин. – Но мы с тобой настоящие мужчины и сами должны добыть своё счастье!

Следующие два дня прошли на этом же полигоне. Эни оставалась в Школе – принимала дела, а Мартин учил меня управлять трансхавером. И мы много о чём поговорили. Мартина интересовали некоторые события нашего времени. А чаще – он просто хотел знать моё мнение по главным вопросам – о любви, смерти и справедливости.

*****

Мне было сначала немного жутко, но это оказалось даже проще, чем водить автомобиль. А может быть, Мартин был таким классным инструктором? Он пробовал подступиться к задаче (и обучения тоже) с разных сторон. А не ломился по однажды выбранной дороге. Эни, как я понял, тоже придерживается этой методы. Говорит она мне обычно примерно следующее: «С ответом я тебя не тороплю!»

В последний день мы с Мартином прокатились даже на супер маленьком трансхавере, такой же он купил специально для Эни. Это было здорово! Манипулируешь в воздушных потоках и видишь всё вокруг так, как будто летишь сам, как птица. В заключение Мартин сказал:

– Неплохо, курсант. В своём времени справишься с гарантией. Там у вас нет такого ветра, как здесь. Завтра увидишь ещё одно моё детище.

На следующий день мы приехали в Кошкин Дом, как выразился Мартин. Это был целый подземный завод по изготовлению котов-роботов. Сначала дед – Эни тоже была с нами – показал мне, как их испытывают, потом – как их собирают. Самое интересное для меня было в музее. Поражало и количество, и разнообразие этих прикольных зверюшек. Дед, конечно, кошатник до мозга костей. Это сразу чувствовалось, когда он рассказывал про особо выдающиеся экземпляры. Я тоже к ним неравнодушен. Я даже вспомнил нашу с Анютой Масяню. И рассказал про неё деду. Он посмеялся над такой забавной кличкой. А проводку гостей на экскурсию по квартире пообещал использовать в опциях новой модели.

– В наших условиях, когда все живут по одному в соте – это не просто игрушка. Иногда требуется настоящая психологическая разгрузка. Очень помогает! К ним привязываешься, как к живым. Я не сразу этого добился, но теперь каждому выпускнику в комплекте соты полагается такой меха-

нический, но пушистый и ласковый питомец. Скоро запускаем ещё одну линию!

После экскурсии в цех мы отправились ещё на один полигон, как выразился Мартин. Эни мне уже рассказала, что это будет феерический аквапарк.

Я был недавно в Нью-Йорке в хорошем аквапарке, но эти два варианта даже сравнивать нельзя! Мартин включил нам подсветку и музыку, и мы резвились в стае виртуальных дельфинов под журчание струй, звуки прибоя и музыку. Всё это непрерывно менялось – прибавлялись виртуальные струи, в неожиданных местах появлялись виртуальные водовороты, вдруг из воздуха появилась почти настоящая акула. Опять сплошная сладкая жуть!

*****

На следующее утро я уже не хотел ничего смотреть. От культурной программы у меня был лёгкий передоз. Они уехали с Эни по делам, а я опять был один с котами целый день. Я и вправду уже чувствовал себя почти дома, особенно сидя на музыкальной скамье с видом на озеро. Весь день я искал в Сети всё, что касается истории конца 20 и начала 21 веков.

У них Сеть похожа на нашу, даже удобнее. Можно напрямую задавать вопросы. Материалы нашего времени сохранены. Я нашёл много чего из моих любимых сайтов.

А вот история, особенно русская, нашего времени препод-

носится, мягко выражаясь, странно. Видимо автор хроник, впечатления которого взяли за основу, жил на Брайтон Бич и не утруждал себя частыми визитами на историческую родину. Сплошные сентенции по поводу козней коммунистов!

Сначала я пошёл по пути исправления ошибок. Переправив красным несколько страниц, решил посоветоваться с Эни. Может мне написать свои хроники? Как альтернативный вариант? Я уже прикидывал, какие события мирового значения произошли год назад. Десять лет назад. Какие из них действительно повлияли на ход истории, а какие забылись практически сразу. Мне опять вспомнился и Питер, и мои родители, и наша с Анютой любовь. Всё равно я был не прав, что не разыскал Анюту! Сделаю это обязательно, когда вернусь. И ей придётся объясниться со мной, во всяком случае, выслушать.

Я обязательно буду работать как историк для Новейшей Эры, но жить хочу в своём времени. Жила же Эни и здесь, и там у нас. Если от меня потребуется сохранение тайны – я согласен. Мне будет так даже проще. В нашем времени, если человек говорит, что его похищали инопланетяне – то автоматически становится кандидатом на место в психбольнице. Не верил же я до последнего, пока меня не привязали к креслу, что лечу в будущее.

*****

А вечером Мартин известил нас, что снова летит по делу фариев. Исчезает ориентировочно на две недели. То есть

предполагается перемещение на неделю плюс карантин, который занимает ещё одну. Причём это всё цифры приближительные, исход переговоров непредсказуем. И дело даже не только в них.

– Я оставляю вам материал, который очень многое объяснит. – Мартин настроил систему и на экране появился текст.

– Мартин! Что дурной пример оказался заразительным? – Эни изумлённо округлила глаза.

– Всё это написано в карантине в последние полгода. Делать было всё равно нечего. А потом это занятие затягивает. Так или не так?

– А про меня тут есть? – Эни хитро блеснула глазами.

– Конечно. И почти всё – правда, – протянул Мартин и поцеловал её в щёчку.

– Рукопись не закончена. Но вы всё равно прочитайте. Читать сразу всё будет скучно, – скромно вздохнул автор.

Я оставил их вдвоём на музыкальной скамье. Они пришли в дом, когда солнце село и включилась подсветка, делающая таинственно-загадочным этот, в общем-то, простой вид.

– Так мало времени мы здесь живём, а я привыкла к этому дому, как будто живу всю жизнь. – Эни отчасти изложила и мои мысли.

– Когда я выбирал дом для себя, его я осматривал третьим. И сразу понял, что дальше можно не проверять. Осмотрел и остальные, но опять вернулся к нему. – Сказал Мартин грустно. – Что-то мне совсем не хочется никуда ис-

чезать. — Добавил он. — Андрей, дождись, пожалуйста, моего возвращения. Я хочу знать и твоё мнение. Хорошо?

Я пообещал. Когда вернётся Мартин, матери не будет так одиноко, как если я улечу следом за ним. Я привык уже и к нему, и с Эни мы сблизились за эти полтора месяца и стали лучше понимать друг друга.

Утром я проспал отъезд и Мартина, и Эни. С экрана они вдвоём улыбались мне. Эни опять попросила звонить ей в любое время.

Завершив утренние ритуалы, при активном участии котов, я взялся за текст, который оставил нам Мартин. И почти сразу перипетии его жизни захватили меня. К тому времени, когда вернулась Эни, я прочёл почти всё. Мне осталась лишь последняя часть как раз о том месте, куда он улетел.

— Эни, я прочёл почти всё на одном дыхании! А тебе будет ещё интереснее, чем мне.

Эни скопировала себе отдельный экземпляр, и мы после ужина взялись читать вместе.

Конец, а вернее место, на котором всё обрывалось, оказался самым впечатляющим. Я быстро справился и пошёл провожать солнце на музыкальную скамью. Эни со мной не пошла. Она читала. Когда я пришёл — она тоже читала. Когда пришёл пожелать ей спокойной ночи — она сказала, что ещё немножко почитает.

Не знаю, во сколько Эни отправилась спать — но утром она

проспала почти до полудня.

Я не стал её беспокоить. Раз спит – значит ей никуда не надо. После завтрака я отправился покататься на катере. Смотрю – встречает меня, сидя на музыкальной скамье:

– Привет, соня! Решила прогулять?

– Сегодня у нас всеобщий выходной. День Республики. Через полчаса по телесистеме начнётся торжественная Церемония. Ты должен её посмотреть.

Мы расположились с Эни в холле – тут самый большой экран и, сидя в креслах, смотрели Церемонию. Почти как у нас в дни всенародных праздников.

Всё происходило в исполинском зале. Звучала торжественная музыка, пел хор и говорили речи красиво одетые мужчины и женщины в основном солидного возраста. Многие из них красивы даже в старости. Это было что-то вроде эпического спектакля про время сразу после Большой Катастрофы. Один за другим они рассказывали про события и героев и повторяли, что не забудут.

Мне было интересно, Эни тоже слушала не отвлекаясь. Даже слёзы блестели в её глазах, хотя, думаю, что видела и слышала всё это каждый год. В это время зазвучали удары набата, и полилась музыка, похожая на органную.

Мы с Эни выпили немного вина в память о погибших в катастрофе. Остатки дня и вечер мы обсуждали прочитанное. Эни призналась мне, что многие поступки Мартина представили теперь в новом свете. А наши выводы были почти син-

хронны – масштаб личности Мартина нам ещё предстоит оценить, когда закончится дело фариев.

Часть вторая. Мемуары Мартина

Предисловие

Торжественно-красивое название «Научно-профилактический центр», увы, не скрывает его прозаической сущности. Фактически – это всего лишь карантин. И по совместительству небольшая чистка, мелкий ремонт и грубая настройка организма, расшатавшегося от перегрузок при перемещении. Не прошло и полгода, а я загораю здесь уже в четвёртый раз. Причём Юлиана умудряется «выходить» на свободу через двое суток, а меня держат от семи до десяти дней. Неужели старость? Возраст мой этому понятию пока не соответствует.

Пробыть двое суток здесь вполне терпимо. Тем более что после очистительных процедур организм наиболее комфортно восстанавливается во сне. И в этот раз медики настояли на дополнительных загадочных регулирующих процедурах. Как минимум, три дня они ещё продлятся. А перемещения мне предстоят ещё и ещё! Придётся организовать самому более продуктивное время препровождение здесь, если оно неизбежно.

Заняться собственным жизнеописанием? Есть такой соблазн! Особенно, после того как прочёл книгу Юлианы. Да,

одна такая книга же уже написана «Мой мир и я». А я напишу, прежде всего, о себе, чтобы разобраться в упущенных возможностях и превратностях судьбы.

Глава 1. О себе и не только

Итак, наша троица. Неразлучная ещё со школьных времён. Эта мужская манера «дружить втроём» – не новость. Были, как известно, исторические прецеденты! Правильный аналог – древнерусские воины – Илья, Никита и Алёша. Илья – Филипп. Самый одарённый физически и умственно, самый красивый и талантливый. Премудрый и лукавый Алёша – это конечно Рудольф собственной персоной. Себе я оставляю роль Добрыни – добросовестного устроителя своих и чужих дел. Но ...только я мог быть скрепляющим элементом нашей дружбы.

Потому что Рудольфо и Филлип – две противоположности даже внешне.

Рудольф – небольшого роста, светловолосый, в то время худенький мальчик с яркими серыми глазами. Главная особенность его небольшого организма – острый как бритва язык. Как скажет что-нибудь – общий хохот. Ну, а решить проблему с точки зрения физического воздействия не позволяли обиженным мы с Филом. Ещё в школе оба были чемпионами и по единоборствам, и по боксу, каждый – в своём весе.

То есть роста мы с Филиппом почти одинакового. Только он тонкий, гибкий и породистый, как экзотический леопард, например. А я – ближе к слону. Не могу сказать, что я

не доволен своей внешностью. И тогда, находились охотницы на «большого» мальчика с синими глазами и копной темно-русых волос. Есть они и сейчас – хотя, разумеется, внешность не имеет к этому факту никакого отношения.

Теперь про Филиппа. На сохранившихся фотографиях у него лицо восточного принца. Миндалевидные тёмные глаза, чуть вывернутые красиво очерченные губы, тёмные прямые волосы. Но что-то было в нём ещё такое, непередаваемое – магнетизм что ли, который действовал не только на женщин, но и на всех, с кем он соприкасался. И талантлив был невероятно! За что бы ни взялся – максимум через полгода достигал высот. Правда, быстро остывал и, бросив без сожаления достигнутые высоты, шёл дальше – увлекался чем-нибудь ещё.

Хотя, неправильно, то, что я пишу о нём в прошедшем времени. Потому, что он, как выяснилось недавно, жив и в полном порядке. Только это совсем другой человек. Хотя он тоже помнит и меня, и себя, и Рудольфа в то замечательное время, когда из школы мы выпускались «в свободное плавание».

Это происходило, как обычно, в самом конце года. Всем по 19 лет. Пять лет, правда, каждый месяц выпускник должен посылать отчёты в родную школу. И если попечители сочтут нужным – могут проверить, насколько они соответствуют действительности. Можно пять лет посвятить теоретическому совершенствованию в выбранной области. А можно

сразу устроиться на работу и уже работодатель, если себя проявишь, посылает тебя учиться. В этом случае ты более конкретно представляешь свою будущую деятельность.

Естественно, что в последние два года все думы и разговоры выпускников были только о будущем поле деятельности. Я уже лет в 16 точно знал, что готов заниматься чем угодно, лишь бы это было связано с путешествиями во времени.

Я не просто хотел – я готовился! Факультатив по французскому языку и истории. Факультатив по истории русской поэзии. И мощная разноплановая физическая подготовка. В то время «путником» мог быть только человек с безупречным здоровьем. Природа меня не обидела по этой части. Я пробовал себя в разных видах спорта. Если бы тогда я мог перенестись в годы античных или других олимпиад – как многоборец, думаю, получил бы венок победителя. Я, наверное, многоборец, по сути. Яркий талант в какой-либо области отсутствует, но достаточно ума, энергии и трудолюбия, чтобы достичь неплохого уровня. Хотя... жизнь показала, что есть и у меня природный дар! И об этом говорят вполне материальные результаты.

Фил никак не мог выбрать между музыкой и медициной. К музыке у него – талант и страсть. А медицина его всегда интересовала с точки зрения расширения возможностей собственного организма.

Рудольфо – среди нас самый артистичный. Мог спародировать кого угодно. В зависимости от настроения или зло,

или в виде милой шутки. Вслед за мной пошёл на факультатив истории русской поэзии и увлёкся. Выучил язык, начал копать вширь и вглубь. Успел закончить школу, как раз к открытию Центра Русской Культуры. Такие центры открываются у нас, по мере накопления материала и увеличения количества желающих этим заниматься. Возможности там появились просто великолепные – Рудольфо сразу взяли на работу в театр. Одновременно он выбрал факультативы для теоретического совершенствования. Я мог пойти туда вместе с другом. Но... это никак не приближало меня к осуществлению мечты о путешествиях во времени.

Ближе всего к моей мечте о перемещениях оказался вот этот самый «Научно-профилактический центр». Он назывался тогда по-другому, но это не важно. Важнее было то, что после перемещений «путники» проводили здесь несколько дней, примерно, как я сейчас. Так что я коротаю теперь время по месту моей первой работы. Изменилось здесь, правда, всё. Ну, ещё бы, прошло больше сорока лет!

Ещё тогда я заметил, что некоторые поступали в наш центр в довольно разобранном состоянии. И оставались у нас достаточно долго. А некоторые «выходили» через два-три дня. Мой непосредственный шеф – доктор Амалия разъяснила мне, что это зависит от эластичности сосудов жизненно важных органов. Поэтому молодым всегда легче. Всё остальное зависит от индивидуальных особенностей организма.

Когда я проходил первичный инструктаж у Амалии – те-

перь моей непосредственной начальницы, она долго и упорно меня допрашивала, почему я выбрал это место работы. Потом-то я понял, что коллектив здесь в основном женский, совершенствоваться отправляют в основном по лечебной физкультуре, а попасть в программу, связанную с перемещениями, отсюда просто невозможно. Если бы она честно мне об этом сказала, то я поискал бы что-то другое. Но ей всё это было не интересно. Зато в первый же день без всяких на то оснований мне открытым текстом было сказано, что здесь кругом видеокамеры и всякие «шуры – муры» на рабочем месте исключаются как с коллегами, так и с пациентами.

Первые два месяца я как стажёр прошёл все тренажёры и процедуры, попробовав их на себе. Мне пришли в голову некоторые идеи по их совершенствованию и Амалия (вот за это ей спасибо!) направила меня на семинар по поводу патентования новшеств. Обучаясь, я запатентовал и другие две свои идеи, которым, как оказалось, нет аналогов.

Через два месяца стажировки Амалия дала мне рекомендацию для самостоятельной работы. Она вызвала меня лично, поздравила и пожелала успехов в работе. Я думаю, что ей было тогда в районе сорока лет. Мне она казалась просто звездой. Я в первый раз близко общался с такой умной и красивой женщиной, к тому же моей начальницей и робел.

Теперь я самостоятельно занимался с пациентами и непосредственно мог общаться с путниками. Многие из них де-

лились информацией, когда я говорил, что мечтаю о перемещениях. Попадались мне в основном историки, имевшие научные работы. Этот путь мне не подходил. Чтобы достичь таких высот в науке требовалось время.

Однажды мне повезло. Одному из пилотов назначили несколько моих процедур. Не сразу, но я разговорил его. Он рассказал, что разрешили туристические рейсы для путешественников во времени. Теперь понадобится много пилотов-проводников.

Раньше этим занималась только Служба Безопасности, а теперь Машины смогут приобретать и туристические фирмы. Так вот, открывается Школа Проводников. Он посоветовал мне подать туда заявку и ждать. Сам он попал в пилоты через Службу Безопасности, отслужив там предварительно семь лет. Мой новый знакомый и показал мне, как найти в Сети их координаты. Разумеется, я проделал тут же все необходимые манипуляции, и каждый день теперь со страхом и с надеждой открывал свой почтовый ящик. Ответа не было.

Глава 2. Нам по 20 лет

Моя тогдашняя электронная почта – это в основном приветы от друзей. Односложные, без подробностей. Координаты у нас у каждого были, и при желании можно было пообщаться в любой момент.

Но в первые полгода мы общались мало. Прелести и трудности взрослой жизни отнимали буквально все силы, и время удавалось выкраивать только на сон.

Первый день рождения на свободе намечался у Рудольфа. Когда я намекнул ему, позвонив по билайзеру, что не забыл про круглую дату, он ответил, что Фил тоже про неё не забыл и звонок-намёк от него уже зафиксирован! Рудольфо тут же жизнерадостно подтвердил, что собирает мальчишник в своей соте, и что я непременно должен быть на нём без опозданий.

Встретились мы, как будто вернулись каждый из своего увлекательного путешествия. Первого мы выслушали Рудольфо, как главного героя и принимающую сторону.

Он успел сыграть молодого Наполеона в эпизоде исторического фильма об Италии. Ролик у него был, и мы с удовольствием посмотрели его, с трудом узнавая друга в гриме и красивом мундире. Но самой большой удачей он считал свой собственный проект – театральную студию, тема которой – история литературы. Он буквально несколько

дней назад защищал свою концепцию на собрании попечителей и получил государственное финансирование. Идеями он просто фонтанировал! В основном предполагались документально-художественные сюжеты из жизни поэтов и других деятелей культуры. Они могли стать и учебными пособиями для подростков, и есть заказы для телевещания на поэзию, как бы исполненную автором в исторических интерьерах. Рудольфо набирал исполнителей на роли в своих сюжетах, и приглашал нас поучаствовать за небольшую плату.

Фил организовал музыкальный коллектив. Такого до него никто пока не придумал. Четверо парней, овладев навыками горлового пения и освоив несколько духовых инструментов, делали обработки не восточной, а джазовой музыки. Коллективу всего полгода, а их приглашают выступать в дорогие клубы. Фил не пожелал продемонстрировать нам своё искусство, зато вручил по билету в шикарный клуб на концерт своей группы. Дата этого концерта как раз совпадала с его двадцатилетием. Так что через десять дней нам предстояла новая встреча.

Мне похвастаться было особо нечем. Фил, впрочем, заинтересовался моей работой. Наши восстанавливающие и корректирующие программы для здоровых людей – это мне выпало заниматься вторым его увлечением. Он попросил меня передать ещё одно приглашение на концерт для доктора Амалии – очень хотел с ней познакомиться.

Я сомневался, что Амалия снизойдёт, но ошибся. Она

рассыпалась в благодарностях. Оказалось, что этот клуб – очень крутое место, а об ансамбле горлового пения, исполняющего джаз, она уже слышала, и с удовольствием пойдёт на их концерт.

Вечер был просто феерический. До этого мне никогда не приходилось бывать в таком шикарном месте. Ансамбль Фила – имел грандиозный успех. Когда артисты, закончив выступление, спустились в зал, Фил сразу подошёл к нам с Амалией. Так они и познакомились под пристально-заинтересованными взглядами посетителей клуба. Филипп тут же начал «охмурять даму». Даже не спросил меня, где Рудольфо. Тот уже танцевал, и я последовал его примеру, пригласив одну из красавиц. Девушки в этом клубе, каким-то чудом, были просто одна другой краше.

Чего мне лично конкретно не хватало в то время – очень банально – денег. У нас существуют специальные программы развлечений и отдыха для молодёжи, вполне доступные по цене. Но самые красивые девушки каким-то образом умудрялись развлекаться в других местах. Специально копили деньги на эти клубы?

У нас деньги не являются пропуском в жизнь. И каждый, в общем-то, начинает с небольшой суммы, которую получает выпускник на свой счёт. Но именно в юности так хочется всех и сразу благ, которые можно купить за деньги.

*****

Мои друзья уже отстрелялись – теперь мне предстояло принять их по случаю моего первого взрослого дня рождения. Общаясь со своими «крутыми» и богатыми клиентами, я знал про многие интересные места. Их программы имелись и в сети в изобилии, но меня интересовали именно проверенные варианты.

Так я вышел на «Приют одинокого волка». Я нашёл их в сети, но кроме загадочных обещаний, что пребывание «запомнится очень надолго» там ничего конкретно не описывалось. Я отправился в этот клуб на разведку. Администратор, выяснив всё про моих гостей, сочинил для нас индивидуальную программу развлечений, сразу посчитав, во что она мне обойдётся. Я на эту сумму не тянул. Тогда он убрал «волчиц» и обещал, что за остальное смогу расплатиться в рассрочку. Я тут же согласился!

Итак, в день, когда мне исполнилось 20, я попросил прибыть Рудольфо и Филя в удобной одежде и обуви. Мы поехали в капсуле к месту старта. Маршрут проходил сначала среди декораций, имитирующих пещеру с подземными озёрами, сталактитами, привидениями, монстрами и летучими мышами. По известным мне вешкам я вывел их на поверхность.

«Приют» был вырублен в скале. Нас встретил официант в гриме старого охотника, и мы вместе накрыли угощение около настоящего костра. Основным блюдом было мясо, за-

жаренное на живом огне. Красное вино мы разливали из меха, а бокалами служили рога горного козла. Мои друзья были в восторге. И не важно, что я ухлопал на мероприятие все свои сбережения. Главное – я был на высоте!

Теперь мы общались постоянно. Во-первых, я ездил на репетиции к Рудольфу в театр – он уговорил меня сыграть лирического героя в его пьесе об Анне Ахматовой. А Фил попадался мне постоянно по месту моей основной работы. Он крутил роман с моей начальницей. Может быть, мне просто «везло», но они постоянно попадались мне в разных недвусмысленных позах.

Хорошо! Я понимаю, что Филу льстило, что в него влюбилась такая умная и красивая дама, а сама-то Амалия? Он ей совершенно не подходил. Потерять голову из-за такого юнца...

Глава 3. Про любовь

У меня в 20 лет понятия о взаимоотношениях полов были достаточно примитивными. Секс, кстати, для нас с Филом перестал быть страшной тайной ещё в школе. Нет. Мы вообще не подстерегали одноклассниц. Прекрасно знали, что последствия могут быть самыми плачевными. Просто мы с Филом регулярно участвовали в соревнованиях вне школы. Нашлись крепкие и ловкие спортивные девчонки, немного старше нас, которые от скуки или из любопытства нас просветили и преподали практический урок. С тех пор я не отказывался от секса, особенно если девушка проявляла инициативу.

Эти взаимоотношения, конечно, были чисто физиологическими экзерсисами и с романтической любовью ничего общего не имели. Высокопарно выражаясь, эта напасть настигла меня внезапно.

Моей партнёршей на съёмках у Рудольфо должна была быть сама Гвендолин. Рудольфо торжествовал, заполучив её на роль музы печали. Добрая половина выделенных средств ушла на её гонорар. Тогда сорок лет назад это была звезда из первой десятки. Она сыграла несколько успешных ролей в «soap operas». Жанр, в котором она играла в основном злодеек, был немного легковесным, но её узнавали, даже приглашали вести разные шоу. Так что Рудольф – молодец. Он

и вправду всегда умел и обаять, и обратиться в свою веру. Она должна была читать множество отрывков из разных циклов.

Внешность её тоже вполне соответствовала молодой Ахматовой. Ей было тогда 35. Самый расцвет женской привлекательности: высокая, стройная, с матовой белой кожей и бездонными зелёными глазами. Собственные волосы её были темно-рыжими. На неё надевали роскошный чёрный, с волнистыми волосами парик и прилепляли горбинку на её точёный носик.

– Прекрасно! Великолепно! То, что нужно! – Рудольфо, по отношению к ней был очень щедр на комплименты. Он вообще умел создать обстановку, которая готовила актёра к сцене.

Её роль состояла в основном из стихотворений про любовь, написанных в разные годы и обращённые к разным адресатам. Моя роль состояла в том, чтобы изобразить обобщённый образ всех этих любовей Анны. Мой герой – любовник, брат, друг, предстающий в бесконечном разнообразии ситуаций: коварный и великодушный, убивающий и воскресающий, нежный и жестокий. Я, одетый в бархатный камзол, прощался с ней, и прыгал на искусную имитацию коня. Нёс её, одетую в платье сестры милосердия, на руках в сером офицерском мундире. Даже лежал на смертном одре в монашеском платье. Хорошо, что всё это молча. Слов никаких моя роль не предполагала. Вряд ли я смог бы выступить достойно такой партнёрши. Тем более что к третьей репетиции

я был по уши влюблён.

Рудольф кричал в микрофон, подбадривая меня: «Хватаешь за плечи, теперь резко разворачиваешь её лицом к себе...» Его слова доносились до меня как бы издалека, когда я прикасался к моей Анне, к моей Гвен, как называл я её про себя. Мы переснимали по несколько раз все такие сцены. Это была неизведанная мной до сих пор сладкая мука. Руки дрожали, и сердце моё колотилось, как сумасшедшее. Все мелкие детали наших съёмок, всплывая в памяти, занимали меня остальное время суток.

Я взял отпуск на своей работе, а когда он закончился – продлил его, под каким-то благовидным предлогом. Я перечитывал стихи Ахматовой, те, которые были в сценарии и другие, которых не было. Нашёл в сети её воспоминания и работы специалистов. Собрал всё – материалы, рисунки, фотографии, несколько вариантов биографии, написанные в разные годы. Сам составил её биографию, описывая год за годом события её жизни. Потом нашёл аналогичную работу в сети. Моя оказалась подробнее, а в той я нашёл, по крайней мере, две ошибки. Я послал свою работу с комментариями в соответствующий адрес. Прочитал всё, что можно о мужчинах, которых она любила. Ревновал и злился на них, поскольку все они относились к ней, по-моему, не достаточно благородно. В своих стихах она бродит по свету, с волнением ожидая какой-то роковой встречи. Там был даже гость из будущего в одной из её поэм. Он, правда, проходил сквозь

стену, и разные другие чудеса творил... Мне всё это снилось и по ночам. Как я тогда не тронулся умом – сам удивляюсь!

Гвендолин, конечно, прекрасно понимала, что со мной творится. Но ни о какой взаимности даже и речи быть не могло. Она относилась ко мне хорошо, даже благосклонно можно сказать, как к умненькому симпатичному мальчику. И только. К тому же на съёмках иногда присутствовал её тогдашний любовник – самоуверенный красавец тоже из мира кино.

Жалею ли я, что испытал тогда в юности это чувство? – нет, конечно. Если бы всё это не состоялось – я просто был бы намного проще устроен. Да и жизнь моя сложилась бы совсем по-другому! Так что спасибо Рудольфу, Гвен и Ахматовой.

Глава 4. Школа проводников и работа в СБ

Вернувшись на работу в Центр, я задержался там от силы на месяц. Пришёл вызов на тесты в Школу Проводников, которые я с блеском выдержал, и был зачислен первым номером в первый набор. Я ликовал! Мне предстояли два года учёбы, но первый рейс в прошлое по программе мне предстоял по окончании первого года обучения.

Учиться мне очень нравилось. Я старался изо всех сил, чтобы оставаться первым номером и дальше. И это мне почти всегда удавалось. Учителями у нас были сотрудники Службы Безопасности. А больше никому! Именно эта служба до сих пор курировала и сопровождала все перемещения во времени. Нам предстояло впервые заняться этим, так сказать, на гражданке.

Немного о Службе Безопасности. Это универсальная и очень серьёзная организация, контролирующая исполнение законов. Работать по этой части считается редкой удачей и, кроме того, очень почётно и выгодно. Мои учителя на курсах, отметив, видимо и рвение, и физические данные, и склад характера пригласили меня на разговор. Их было четверо и я. Один за другим они высказались, что мне прямая дорога в Службу Безопасности. С такими данными как у меня я смогу быстро продвинутся по служебной лестнице

и попасть в элиту годам к 45. А потом лет через 10 участвовать в выборах в Совет. У меня просто дух захватило от таких перспектив, хотя и расстаться со своей мечтой о перемещениях во времени я был не готов.

– А это и не нужно, – сказал один из них. Приобретай квалификацию. Когда получишь высшую категорию и наберёшь достаточный опыт – сможешь перейти в Службу как специалист.

– А нельзя ли мне попасть в вашу службу на экскурсию, что ли?

Они рассмеялись, переглянувшись. Но, посоветовавшись, решили, что это, в принципе, возможно.

– А хочешь быть внештатным сотрудником? Сейчас у нас все архивы переводят на новые носители. Работы много. Она даже оплачивается. Сделаем тебе пропуск.

На следующий день я подписал всё, что было нужно для получения допуска. Бумаги пустили, видимо, по короткому пути, и уже через неделю мне вручили пропуск. Наверное, преподаватели дали хорошую характеристику.

Преподаватель лётного дела однажды предупредил меня – готовься на завтра. После занятий мы поехали вместе в Службу. Проходная для персонала там оказалась очень серьёзная. Кроме проверок по индивидуальным параметрам – отпечаткам пальцев и радужке глаза имелся почему-то санпропускник и полагалось переодевание. Мне выдали стажёрский комбинезон, и мы прошли по коридорам и проеха-

лись на лифте. Наша цель была – архив. Мой провожатый сдал меня с рук на руки директору этого архива.

Это оказался сухощавый пожилой мужчина со следами ожогов и шрамов на лице по имени Франц. Чувствовалось, что он точно не проработал в архиве всю предыдущую жизнь. А разбирать мне предстояло архивы Бэйбилона. Нужно было перевести информацию на современные носители, и добавить современные данные.

Когда я спросил с чего мне начать – Франц ответил – можешь с начала, а можешь с конца. Разумеется, я начал с «конца» и очень быстро добрался до информации по нашему выпуску. Своё личное дело я скопировал и решил, что обязательно найду возможность эту копию забрать. Я работал в архиве по три часа дважды в неделю. Не сказать, что меня уж очень всё это увлекало, но я без усилий делал всё что надо. Судьбы выпускников, чуть старше меня, будоражили моё воображение.

Франц мне сочувствовал. Ему казалось ужасно скучным и утомительным, то чем я занимался. Как-то раз он предложил:

– Если у тебя есть друзья, способные этим заниматься – предложи им. Вдвоём или втроём вам будет веселее.

Я сильно сомневался, что Рудольф или Фил захотят подрабатывать в архиве. Тем более что платили тут мало. Но предложил обоим. Фил сразу сказал, что это не для него, а вот Рудольфо загорелся. Он считал, что карьера в Службе

Безопасности – это то, что надо. Пропуск ему делали дольше, чем мне, но настал день, когда мы отправились в архив вдвоём. Вместе нам было действительно веселее, а Франц заходил к нам иногда и говорил, что теперь его совесть чиста. Делая, в общем-то, механическую работу, мы обсуждали свою теперешнюю жизнь.

Я был очень доволен учёбой на Курсах. Как основную специальность я выбрал Францию. Мои занятия на факультативе в школе и особо одарённый учитель, который умудрился вложить нам всё это, или моё страстное желание успевать лучше всех – результаты были безусловно. Компьютер уже воспринимал меня как носителя языка, а я искал в сети исторические и литературные сайты на французском. Мне было очень интересно. Я даже написал пару статей о пребывании русских поэтов во Франции и про взаимопроникновение культур.

Рудольф рассказывал мне о съёмках по своему основному проекту. Об артистах и других людей творческих профессий, с которыми ему приходилось иметь дело. Так прошло несколько месяцев.

Настал день, когда Франц, который был очень доволен нашей работой, таинственно объявил, что для нас есть и другая более интересная работа. Причём архив вовсе не отменяется. Мы переглянулись, поскольку нагрузка была такая, что на отдых и развлечения времени и так не оставалось.

Всё оказалось не так страшно. Мы должны были посещать

инкогнито, как клиенты, различные клубы и наблюдать вечеринки изнутри. Службу интересовали клубы, где в ходу стимуляторы разных видов. Наркотики, их употребление и распространение, у нас запрещены законом. Табак у нас не запрещён, но его просто давным-давно нет. То есть в принципе, его можно привезти из прошлого. Это шанс чисто теоретический. Но кто ж это будет делать, если никто не курит уже лет четырёста? А вот лёгкий алкоголь вполне легален. Не законно «превышать градус» или использовать добавки. Этого мы выявить всё равно не могли. Наша задача – на основе личных впечатлений, просто, судя по поведению посетителей клубов, дать сигнал. И тогда это заведение будут проверять профессионалы. В помощь нам была выделена штатная сотрудница Службы Ирма – яркая, красивая, спортивная шатенка. Несмотря на изрядную физическую силу и ловкость она выглядела очень женственно. На первый взгляд ей не было и тридцати, и она вполне могла сойти за девушку одного из нас.

Как правило, наши вылазки случались один или два раза в неделю. Втроём мы заезжали в клуб, который выбирался заранее, одетые под яркую раскованную молодёжную компанию и старались так себя и вести. Через определённое время, не на шутку разгулявшись, мы с Рудольфом пытались «достать» что-нибудь запрещённое. Спрашивали у бармена, у посетителей клуба. Результат нашей провокационной деятельности за первый месяц – два клуба, попавшие на тоталь-

ный контроль и один случай, когда бармен «заложил» нас, позвонив в Службу. Последнее и оказалось нормой поведения в такой ситуации.

Рудольфу очень нравилась эта работа по клубам. Он же артист и, понятно, просто получал удовольствие от новой роли. Это он придумывал для нас одежду и образы. Благо, новую одежду, да и «гулянки» тоже оплачивала Служба.

«Наша девушка», входя в образ, свободно и непринуждённо кадрилась и к Рудольфу, и ко мне. Я ей легко подыгрывал. Иммунитет у меня, видимо, благодаря недавней эпопее с Гвен, выработался надолго. Сейчас я спрашиваю себя: ну, почему? Почему я не влюбился в неё тогда в юности? Она тоже красива и превосходная актриса. Причём роль свою играла не на сцене, а в полевых условиях, так сказать. А вот ... роль не та.

Я хоть умом и понимал нужность, важность и справедливость того, что мы делаем, но душа моя отвергала сам метод – поймать врага при помощи провокации на грани подлости. Моя душа, где-то в самой её глубине, признавала справедливой победу лишь в результате честного боя один на один.

Рудольф тогда уже придумал эту свою теорию. В его театр влиялись постоянно новые персонажи женского пола. В основном недавние выпускницы, мечтающие о карьере на сцене. Он для них был Учитель с большой буквы. Роль, видимо, ему понравилась, и Рудольф решил применить свои на-

выки и в частной жизни, так сказать. Он рассуждал, что сначала надо самому воспитать себе женщину, а потом – любить её на радость обоим. Он знал про мою безответную любовь к Гвендолин. Переживал даже, что стал невольным её виновником, хотя я не упрекал его никогда. Фильм, кстати, вот-вот должен был выйти. Рудольфо ждал этого дня со страхом и радостным нетерпением одновременно.

– Премьера будет в самом большом и роскошном зале нашего Центра. Так что ты её обязательно увидишь! Она обещала быть, хотя и очень занята на съёмках.

Получилось так, что на премьеру я явился в гриме – сразу после мероприятия мы с Ирмой вдвоём отправлялись в клуб «Заядлых меланхоликов». В серебристом парике, с подведёнными глазами – даже в обычной одежде вид у меня был, наверное, довольно дикий. Гвендолин просто не спускала с меня глаз. А я, не понимая почему, злился вместо того, чтобы получить от этого удовольствие. Именно тогда, на премьере я разглядел, что Гвендолин и не такая уж красавица, и говорит экспромтом не очень складно, а дармовый алкоголь употребляет слишком рьяно.

Глава 5. Перемещение в Париж

Всё это, конечно, было интересно, но я ждал с трепетом души совсем другое событие. Приближался мой первый стажёрский полёт. Лететь мне предстояло в Париж конца 20 века. Этот период выбрали туристические компании, считая, что достигнут достаточный уровень комфорта, и исторический облик города сохранён. С экологией тоже ещё всё относительно благополучно.

Мы должны были лететь втроём – инструктор-преподаватель с Курсов и двое стажёров. Перемещение должно было состояться через вновь открытое «окно», сооружённое с выходом прямо в Булонский лес.

Всё прошло, как говорится, в штатном режиме. Перегрузки мне показались даже слабее, чем на тренажёрах.

А как хорош был Булонский лес, хотя мы попали в позднюю осень!

Париж я любил заранее по книгам и фильмам. И полюбил его с новой силой, увидев наяву. Даже свинцовые тучи, нависшие над городом, казалось, придают ему своеобразный шарм, множа бесчисленные оттенки серого. Мне нравился дождь, который то и дело принимался моросить. У нас дожди выпадают очень редко. Мне не приходилось наблюдать это природное явление в Новейшей Эре. У нас обычно влага садится на землю в виде более или менее плотных туманов.

Ещё нас поразило, что частная жизнь парижан происходит на глазах друг у друга. Через огромные окна даже можно было заглянуть в их квартиры. Мы побывали во всех знаменитых местах, в которых, несмотря на непогоду, кроме нас бродило множество туристов. Мы видели могилу Наполеона и знаменитый Гранд Опера. Собор Парижской Богоматери, Монмартр с Монпарнасом и Люксембургским Садам. Для туриста из нашего мира такое количество впечатлений явно было излишним. Всё это прекрасно, но мы не привыкли так долго передвигаться на открытом воздухе, тем более в толпе.

Ещё мне не понравилось то, что даже в знаменитых кафе все курили табак, и дышать нам – непривычным – было тяжело. Мы старались устроиться на террасе, но большинство из них не работало. Намного позже, когда я уже сопровождал туристов, я побывал и во всех этих знаменитых кафе.

У каждого – свой Париж. Я заранее выяснял у туриста, что он хочет обязательно увидеть, и планировал маршрут именно в этот район города. Всё остальное мы проезжали на специальном автобусе для туристов, сиденья в котором укомплектованы специальными наушниками, где на английском языке звучит сопроводительная лекция. Причём в любой момент можно сойти и погулять вокруг понравившегося здания. Я считаю, что это очень удобная система.

По возвращению я попал в Центр в первый раз как пациент. И кто же, по-вашему, меня встретил? Мой друг Филипп! Он работает теперь в Центре. Вместе с Амалией они делают

опыты по внедрению нового метода омоложения организма.

– И на ком же вы проводите опыты? – удивлённо спрашиваю Фила.

– В основном на себе, как врачи в древности, – таинственно отвечает друг.

– По-моему, ты – объект для омоложения ещё мало подходящий, – пытаюсь пошутить я.

– Ерунда. Сейчас самое главное – это исключить побочные явления, а они у молодых наоборот быстрее проявляются!

Филипп вкратце объяснил мне суть метода, который разработали они с Амалией. (Идея – Фила, а разработка деталей – её)

– Рад, что вы хорошо сработались, – съязвил я.

– Ещё попросишь у меня препарат, вот тогда я посмеюсь, – ответил Филипп.

Примерно такой у нас состоялся разговор в то невообразимо далёкое время. Перспектива старости казалась до смешного далёкой. А возможность омоложения совершенно не вдохновляла.

Когда меня выписали из Центра, то выяснилось, что теперь я весьма известная и даже популярная личность. Оказалось, что такого молодого «путника» ещё не было в истории перемещений во времени. Меня даже приглашали в клубы, где я делился впечатлениями. Пригласили участвовать в демографической программе.

Выступал я и в родном Бейбилоне, где мне было очень приятно общаться с моими учителями, хвалившими меня наперебой. Из следующих выпусков народ ринулся в Школу, явно вдохновлённый моим примером. Мне было тогда всего 23 года, а успел я немало. Последний год в Школе пролетел очень быстро. Перемещений было ещё три. Экзамены я сдал блестяще и теоретические, и практические.

И вот, наконец – торжественная церемония. Я получаю диплом под номером «1», и мне аплодируют преподаватели, ученики и гости. Момент моего триумфа! Мне нет ещё 25, а мечта моя уже приобрела вполне реальную почву. Друзья – Рудольфо и Фил, конечно же, были на церемонии. Пригласил я и Франца с Ирмой. Казалось, что жизнь моя теперь так и пойдёт от победы к победе.

Меня взяли работать в самую богатую в то время туристическую компанию. Туризм был тогда делом сугубо индивидуальным. То есть были более-менее стандартные маршруты – Париж, Рим, Лондон, Барселона. На них существовали разработанные материалы. Всё остальное я готовил, исходя из материалов «путников». Даже читать исторические хроники приходилось. Перед перемещением я должен был согласовывать маршрут и график в Службе Безопасности. Они продолжали курировать все перемещения во времени.

Отношения у меня с ними сохранились самые тёплые. Я продолжал работать в Архиве раз в неделю. Ирма иногда привлекала меня к «операциям» в клубах, хотя в основном

они с Рудольфо прекрасно справлялись и вдвоём. Мои бумаги в Службе не залёживались и проверки носили, видимо, чисто формальный характер.

Это было очень счастливое время. Главное – я занимался тем, о чём мечтал. Я нисколько не был разочарован!

Все друзья и знакомые с восторгом и восхищением спрашивали меня о путешествиях. У меня даже образовался небольшой Фан-клуб из девушек, которые приглашали меня на свои вечеринки, чтобы послушать мои рассказы. Если я выделял одну из них – получал приглашение в соту.

Да, успех того фильма, где я сыграл одну из главных ролей, получился весьма средний. Я утешал Рудольфа, что тема эта по определению не для всех. А моя последняя встреча с Гвендолин на премьере окончательно поставила точку в моих терзаниях. Теперь я точно знал, что любовь благополучно проходит!

Глава 6. Перемещение для друзей

Пришло время, когда я смог осуществить голубую мечту. Устроить перемещение для нашей троицы.

О совместном перемещении мы мечтали с того дня, как я в первый раз рассказал друзьям о своих впечатлениях. Общее мнение – хорошо бы погулять нам всем вместе в Париже и дело с концом! Но... вариант с совместным туризмом отпал сразу по причине заоблачной стоимости путёвок. Значит надо искать варианты с не очень сложными научными программами, чтобы Рудольфо и Фил летели соответственно своим специальностям.

И вот, наконец, после моих нешуточных усилий подходящая тема была найдена: «Культура употребления лёгких стимуляторов в историческом аспекте. Благо или гибель?» Финансировали эту интересную тему фармацевты. У них тоже были желающие лететь, и мне пришлось немало потрудиться, пока они согласились, что нужен доктор, способный оценить действие стимуляторов именно на здоровых людей. Ну, а Рудольфо у меня проходил как знаток фольклора, переводчик и специалист по Русской истории. Именно поэтому – летим в Россию!

Выбрали «окно» в лесном краю. Про это место было известно, что вокруг издревле жили разные славянские племена. Наши спонсоры решили, что мы должны сделать несколь-

ко выходов из него, начиная от 9 века Новой Эры и позже. Задача заключалась в том, чтобы войти в доверие к аборигенам и, что особенно интересно, к служителям различных культов, чтобы взять на анализ их снадобья. Ну, и, по возможности, оценить на какие подвиги они толкают население. Привезённые нами пробы предполагалось подвергнуть полному анализу на молекулярном уровне, чтобы выявить действующее вещество.

Первая остановка прошла как по маслу. Выбравшись на поверхность, мы оказались на поляне роскошного смешанного леса в разгар золотой осени. Рудольфо и Фил впервые в жизни видели настоящие могучие деревья, покрытые золотистыми и красными листьями, тёмно-зелёные молоденькие ели. Под ногами то и дело попадались грибы с ярко-алыми шляпками, пели птицы, и даже закапал мелкий приятный дождик. Новых впечатлений у них сразу было очень много, и я с удовольствием подумал, что мои усилия растрочены не зря. На нас были термокомбинезоны, но сверху они были прикрыты специальными плащ-накидками неопределённого сероватого цвета. Такая одежда не вызывает удивления у аборигенов – это мы выяснили заранее.

Среди довольно густого и тёмного леса сразу были заметны признаки близкого человеческого жилья. Без особого труда, мы нашли огороженное забором из тонких стволов деревьев селение, которое состояло из двух-трёх десятков деревянных жилищ. Мы нашли самую большую и краси-

вую избу, и Рудольфо провёл с её хозяином довольно успешные переговоры, подкрепив свои слова дарами. Учёные люди, прибывшие из-за моря, получили в провозятые мальчишку в длинной холщёвой рубашке. Он бежал вприпрыжку, а мы едва поспевали за ним, ведущим нас в глубь леса. Впрочем, оказалось, что это место рядом с нашим «окном». Малец показал нам дымок, поднимающийся над деревьями, и знаками показал, что дальше не пойдёт. Получив от нас в подарок раскладной ножик, он исчез.

В избушку мы ввалились, не спрашивая разрешения, чем сильно рассердили маленькую юркую старушку, одетую в какие-то невообразимые лохмотья. Ну, ещё бы! Живёшь себе на природе, в тишине. Вдруг вваливаются аж три добрых молодца и непонятно чего от тебя хотят. Сначала Рудольф пытался и ей объяснить, что мы учёные мужи, приехавшие из-за моря. Эта идея ей совершенно не понравилась. Старушка, сверкая глазами, страшно ругалась, плевалась и даже, схватив кочергу, пыталась нас прогнать.

Тогда мы употребили более сильное средство. Филипп, используя методику горлового пения и свои способности к показыванию фокусов, показал маленькой грязноватой ведьме, что он и сам могущественный маг. После многозначительного шипения изо рта Фила показалась чёрная змея с высунутым жалом. Наш объект от страха чуть не впал в нирвану! Это не входило в наши планы. Сделав ей специальный точечный массаж, которому меня обучали в Шко-

ле, я привёл старушку в более-менее спокойное состояние. Но предложенные Филиппом бусы её как-то не вдохновили. Она тупо смотрела и на разные сокровища, такие как ножи, иголки и ножнички. Ключик к её сердцу оказался совсем в другом месте. Я достал тюбик шоколадной пасты, сначала съел у неё на глазах кусочек сам, а затем, придерживав её руки, выдавил немного ей прямо в рот, слегка перемазав подбородок. Проглотив угощение, она облизала рот. На её лице появилось что-то вроде довольной улыбки. А продемонстрированный мной ещё один тюбик шоколадной пасты и вовсе настроил её на мирные переговоры.

Внимательно выслушав Рудольфо, что же мы хотим в обмен на вожделенный шоколад, она показала нам глиняный горшок, стоящий на углях. В нём кипело серо-зелёное вариво, пахнувшее достаточно мерзко. В ответ на вопрос Рудольфо, она при помощи слов и нескольких неприличных жестов объяснила нам на что и как оно действует. Оказавшийся у неё в наличии деревянный половник облегчил заполнение наших пробников. Получили мы и ингредиенты целебного раствора – пучок различных высушенных травок и корешков и коричневатую субстанцию, похожую на сухой остаток чьих-то продуктов жизнедеятельности. Очень довольные нашим успехом, мы сделали несколько снимков, поблагодарили бабу-ёжку и удалились.

*****

Вторая наша остановка была задумана в 14 веке, но получилось, видимо, немного позже, как объяснил нам Рудольф. Мы попали в роскошное лето. Лес стоял одетый листвою и дразнил нас запахами и звуками. А вот вместо селенья мы застали старое пепелище. Жители с любопытством выглядывали иногда из землянок, но разговаривать с нами боялись. Мы решили рискнуть и спустились в одну из укрытых ветками хижин.

Потолок был настолько низок, что пришлось наклонять голову. Свет попадал через довольно большую дыру наверху. Внутри оказалась старая женщина, испуганно шарахнувшаяся за печь. Рудольфо постарался объяснить наши вполне мирные намерения. Женщина доверчиво вышла из-за печи.

Я, дружелюбно улыбаясь, выдавил себе на тыльную сторону руки немного шоколадной пасты, слизнул её языком и показал, что это вкусно. Выдавил немного и старушке. Она попробовала, и дала знак – можно. Из-за печи, спрыгнув откуда-то сверху, вышли ещё двое и тоже получили по порции пасты. Пока они лакомились, я хорошо разглядел двух молоденьких, русоволосых, немножко чумазных девушек, одетых в грубые длинные рубашки из мешковины. Тут Филипп достал связку разноцветных бус. Этим даром мы окончательно расположили их к себе. Беседа потекла намного оживлённее.

Выяснив всё, что нужно, Рудольфо перевёл нам. Несколько лет назад почти всех жителей деревни угнали в рабство. Спаслись только те, которые успели убежать в лес. Мужчин

в деревне нет. Последний дед умер в прошлое лето. Мальчишки, которые спаслись, ещё дети. Они дадут нам стимуляторы, но мы должны будем вести себя как мужчины.

– Ну, что, соглашаться? – спросил нас Рудольфо.

– А что мы должны будем делать? – ответил Фил вопросом на вопрос.

– Точно не знаю. Боятся, наверное, что разнесём тут всё после употребления стимуляторов. Мы же не собираемся набираться неведомо чего, так?

Тут старая женщина, как будто поняла наши сомнения. Она сказала, что без мужчин род погибнет. Каждая женщина должна родить воина. Им уже пора – кивнула она на девчонок. И попросила нас помочь. Мы посоветовались, и Рудольф от нашего имени дал согласие.

Девчонки скрылись куда-то. Мы их ждали на свежем воздухе и уже хотели уходить, как они вдвоём и ещё одна рыженькая позвали нас за собой. Пройдя узенькой тайной тропкой, выходим на поляну. Избушка. Почти такая же, как на прошлой нашей остановке. Рудольфо переводит, что нас приглашают сначала в баню. Такой у славян обычай. Заходим. Полутёмная с низким потолком комната. Бревенчатые стены, из щелей между брёвнами свисает мох. Пахнет распаренными листьями, потому что ветки молодых деревьев, связанные в пучки опущены прямо в горячую воду, налитую в низкие деревянные ёмкости. Девчонки быстро разделись. Потом помогли раздеться нам. Меня выбрала рыженькая.

Чувствовалось, что она немного старше и опытнее подруг. Толкнула меня в маленькую дверцу. В центре ещё одной полутёмной комнаты оказался большой плоский и очень горячий камень, который она полила водой, настоящей на травах. Сразу низкая комнатка наполнилась паром. Очень здорово, оказалось, дышать и ощущать на коже действие этого пара! Но пробыли мы там недолго – надо было уступить очередь и другим.

Мои друзья зашли в парную вчетвером. В это время Хельга, как она себя назвала, уложила меня на лавку и сделала расслабляющий массаж прямо этими, замоченными в горячей воде ветками. Это было супер приятно! Потом пришла очередь и моих друзей. Мы хотели похлопать веником девчонку, но они предпочли сделать это друг другу сами.

Повторив процедуру три раза, по команде Хельги, мы оделись и, выйдя из хижины, перешли в другую. Там хранилось сено – траву летом собирают и сушат, чтобы у лошадей и коров был запас кормов на зиму. Это объяснил нам грамотный Рудольфо. Хельга извлекла откуда-то что-то вроде глиняной бутылки. Она вынула кружечку из складок одежды и, налив немного в неё из бутылки, с поклоном мне подала. Я попробовал. Слабый алкогольный напиток с привкусом мёда. Мы наполнили жидкостью наши пробники. Действие её на организм представлялось очень сомнительным.

Фляжка со снадобьем старой ведуньи была у меня с собой. Я вынул пробку. Рудольфо объяснил девчонкам, что

они должны сделать по одному глотку.

Я пригубил первым – вкус травяной и пустил её по кругу. Отвар начал действовать почти сразу. Я сам себе удивлялся. А как резво и конкретно любили нас девчонки!

Тем удивительнее, что это был их первый сексуальный опыт. Что-то сомневаюсь, что они нарожали сыновей, но запомнили они нас, мне кажется, надолго.

Теперь мы должны были выйти из этого «окна» в 18 веке, но машина видимо что-то перескочила. На поверхности лес, но немного другой, светлый и без противного колючего подлеска. Наличие линии электропередач явно свидетельствовало о 20 веке. Яркое желтое поле с тяжёлыми колосьями говорило о довольно высокой культуре земледелия, несмотря на наличие в ниве и других довольно красиво цветущих растений. Селение с симпатичными одноэтажными домиками было перед нами как на ладони. Мы сели на травку и стали думать, что делать.

– Можно, конечно, попробовать переместиться назад, но раз Машина «перескочила», то обратным ходом она делает быстрее всего то же самое, – объяснил я своим менее опытным друзьям. – Намного хуже если угодит в провал, который она, видимо, перескочила.

– Нет! Перемещаться будем только вперёд! – Это мы решили единогласно. – Ну, а в селение идём? Тут наши мнения разделились.

В это самое мгновение, вывернув из-за пушистого дерева, почти к нашим ногам на открытой повозке лихо подкаатила молодая особа. В повозку была впряжена симпатичная лошадка вся такая пёстро-рыжая. В ту же масть смотрелась и местная жительница, золотистая от загара, с почти белыми бровями и ресницами. Девушка выглядела вполне даже весело и спортивно, хотя была в лёгком платье ниже колен и в белом платочке. Но стойка – ноги на ширине плеч – на повозке с вожжами в натяжку очень ей шла.

– Мужики, вы чьи? – спросила барышня.

Рудольфо начал ей плести, что мы учёные и прибыли из-за моря.

– Союзники, значит? – обрадовалась чему-то молодка. – Мы хотели бы устроить встречу наших тружениц с лётчиками героями.

Тут Рудольф, вспомнив, видимо, совсем недавнее прошлое брякнул:

– А нельзя ли организовать всё это в бане?

– Меня зовут Оля, – опять чему-то обрадовалась девушка. – Конечно, организуем. Вам повезло – сегодня как раз суббота! Вы останетесь очень довольны.

Оля усадила нас на телегу сзади, опять встала во весь рост и, погоняя лошадь азартными

криками, – Но, Соколик, но, – быстро довезла нас до места.

Баня чем-то походила на нашу предыдущую, только раза

в три больше. Расположенная чуть в стороне от деревни, она тоже была собрана из толстых брёвен с торчащим из щелей мхом. Цивилизация проявилась в наличии трубы, из которой клубился дымок. Выбежавшей навстречу девчонке были даны какие-то указания, и она уехала в сторону деревни на всё том же Соколике.

Оля посадила нас за деревянный стол под роскошной раскидистой яблоней, увешанной созревающими плодами и принесла большую глиняную банку очень вкусного кисловатого напитка, которым мы утоляли жажду. Красивый вид и яблочный аромат настраивали на весьма позитивную волну.

Успокоив нас, что баня почти готова, Оля отправилась в избу, а мы с изумлением наблюдали прибытие новых тружениц полей. Соколик привёз ещё четверых кроме правившей им Клавки. Как зовут самую младшую, мы узнали потому, что женщина постарше хотела отправить её в деревню.

– Ну, уж дудки! – ответила ей Клавка. Пока мы выясняли у Рудольфа, причём тут дудки,

Оля объявила, что баня готова. Мы послушно пошли за ней внутрь. Дамы сгруппировались снаружи, над чем-то дружно хихикая. Оля скомандовала нам почему-то по-немецки, чтобы мы раздевались. Видя наше замешательство, она сама подала пример, сбросив платье и розовые шортики до колен, и скрылась в парной. Пока мы, переглядываясь, снимали комбинезоны, Оля, вся ослепительно розовая, появилась в дверях в клубах пара:

– Ну, кто из вас самый отчаянный? – потрясая веником, спросила она.

Рудольфо рванул за ней. Через пару минут все трое лежали на лавках, а Оля хлестала нас по очереди веником «изо всей дурацкой мочи», как выразился Рудольфо, лицо которого уже было густо красного цвета. Опрокинув на себя по тазику холодной воды, уступаем место дамам. Выйдя из парной, они рассаживаются на лавки рядом с нами и начинают, мягко говоря, оказывать нам знаки внимания.

– Ну, держитесь, бестии!

Фляжка с отваром была у меня с собой. Отпили только сами по хорошему глотку. Стимулировать женский батальон не стали, посчитали это излишним. Отвар ведуньи сработал и на этот раз. Победа осталась за нами. Все лавки в предбаннике были заняты спящими в живописных позах Венерами на любой вкус.

Мы одевались, когда пришло подкрепление. Две вновь прибывшие дюжие крестьянки далеко не юного возраста поставили перед нами большую стеклянную бутылку прозрачной жидкости и предложили продолжить банные удовольствия. Мы поступили очень плохо. Помогли дамам раздеться и, проводив их в парную, слегка подперли дверь, подоткнув веник за ручку. Дальше была пробежка до Машины. Никакой Соколик за нами бы не угнался! Бутылку местного стимулятора Рудольфо захватил с собой. Потом уже в Машине понюхав и попробовав по чуть – чуть, мы поняли, что он зря

старался – это было всего лишь спиртное на этот раз без мёда, но очень плохой очистки.

*****

Следующая остановка была осторожно задана нами на 50 лет вперёд. Совсем не хотелось, чтобы она опять «перескочила». Самое опасное – это угодить в период катастроф. На этот раз Машина вела себя хорошо. Выходим на поверхность. Очень похоже на конец 20 века, хотя и лес вокруг всё так же хорош. А вот и баня! Красивая! Целый банный комплекс. На изукрашенной деревянной табличке Рудольфо читает: «Охотничье хозяйство».

Посоветовавшись, решаем – наверное, это домик для отдыха охотников. Только охотой на кого они занимаются? Неужели убивают зверюшек? Похоже, что всё не так просто. Кто-то где-то увидел нашу троицу в камеру слежения. К нам бегут вооружённые охранники ну очень крепкого сложения. Сначала спрашивают, и на том спасибо.

Тут Рудольфо опять со своей коронной версией:

– Мы – учёные люди. Приехали из-за моря.

Наша версия произвела на них странное впечатление.

– Эти тупые америкосы опять свернули не туда, – сказал один.

– А где ваша тачка? – спросил другой. Я успел подумать, что за последние 50 лет союзники здорово испортили свою репутацию.

Рудольфо, припомнив русский фольклор, попенял им, что

надо бы сначала накормить, напоить, в баньке попарить, а потом уж вопросы задавать.

Мужики очень развеселились. Потом, посоветовавшись, сказали так:

– Мы тут ждали дорогих гостей, но нам объявили отбой. Не пропадать же добру! Там на всех хватит.

Повели нас сначала в один домик с накрытым столом, где мы попробовали местные деликатесы и набрали понемногу разнообразных стимуляторов в свои пробники.

– Баня готова, господа!

Переходим во второй домик. Вот это баня! Драгоценные резные деревянные панели на стенах, как ни странно, вполне гармонируют с мраморными лавками и ступеньками входа в бассейн с водой красивого изумрудного цвета. А какие белоснежные и пушистые нам подали полотенца, а какие появились банные феи! И какие на них были купальники, которые они несли на себе как дорогие вечерние платья!

Впрочем, без купальников они оказались ещё лучше. Чтобы это оценить не понадобились никакие стимуляторы. С такими данными и мертвого можно склонить к любви. Они тоже остались нами довольны. Когда мы уже одевались, одна из волшебниц даже сказала, что таких мальчиков приятно было обслужить!

А вот охранники остались нами недовольны. Когда мы, поблагодарив их, направились к двери, нас спросили с угрожающей интонацией:

– А бабки? – Рудольфо перевёл нам, что будут ещё старые женщины. Мы прямо-таки поразились таким гуманным обычаям.

– Бабки сегодня пусть займутся виртуальным сексом! – важно произнёс науськанный нами Рудольфо.

Как тут оскорбились наши радушные хозяева! В общем, пришлось применить парализатор и удирать к Машине.

Глава 7. Почти в элите?

Мы благополучно вернулись в Новейшую Эру с пробниками, заполненными под завязку. Даже испытали действие одного из снадобий. Фармацевты остались нами очень довольны.

Кстати, намного позже при общей встрече выяснилось, что действие снадобья продолжается. Оно как бы задействовало в наших молодых организмах дополнительные ресурсы. Раньше я не отказывался от секса, но особо и не искал подходящих ситуаций.

Теперь это не проходило. То же самое заметили и мои друзья. Хорошо это или плохо?

Как и многое другое – повышенная сексуальность имеет две стороны: жизнь становится ярче, но свободы меньше. Нашу вылазку мы часто и с удовольствием вспоминали, Рудольфу и Филиппу всё очень понравилось. И хотелось побывать ещё и в Париже.

Я же летал в Париж почти каждый месяц. Это был тогда самый популярный маршрут. Накопилось множество моих личных разработок по парижским экскурсиям. В Турфирме я был лучшим проводником. У меня образовалось довольно много влиятельных знакомых – моих бывших туристов. Ко мне записывались в очередь знакомые моих знакомых.

Кандидатом на переход в элиту я стал почти по недоразу-

мению. Я уже рассказывал о предложении, которое получил ещё в Школе Проводников. Переход в элиту должен был состояться напрямую – всвязи с получением мною должности куратора по перемещениям во времени.

Но у владельцев туристической фирмы, в которой я отработал почти 10 лет, тоже были на меня виды. Я стал неотъемлемой частью их собственного бренда. Большинство моих разработок по конкретным маршрутам поступали в обработку и даже, как правило, внедрялись в практику.

И вот однажды я получил бонус – фирма сама внесла за меня благотворительный взнос, как за лучшего работника и, одновременно, были отправлены на самый верх рекомендации и характеристики, необходимые для получения статуса кандидата. Так что статус кандидата я получил фактически из рук руководителя и владельца фирмы.

Я переехал в кандидатский массив и сразу оценил комфорт и удобства, которые там полагались. Теперь карьера в Службе безопасности не была для меня такой уж очевидно привлекательной. Тем более что владелец фирмы предложил мне поучаствовать в закрытом тендере для лучших сотрудников. Предлагалось внести свой вклад в освоение нового интересного маршрута, открывающегося для туристов – Ближний Восток конца 20-го века. Причём мы становились акционерами фирмы, а в перспективе замаячили неплохие дивиденды.

Итак, я уже был кандидатом, когда меня вызвали в Глав-

ный офис Службы безопасности. Никто даже не подумал спрашивать моего согласия. Оно как бы подразумевалось. Мне просто сообщили, что должность, на которую меня планируют пригласить, освободится через год. Человек, который её занимает, уходит в отставку по достижению пенсионного возраста. И я теперь могу с ним даже контактировать, чтобы подготовиться к переезду и кардинальной смене образа жизни.

Он не то, чтобы будет передавать мне дела, но несколько дельных советов при переезде в Элитный массив ещё никому не помешали. Как раз Тео мне и посоветовал:

– «Красавицу» бери с собой. Здесь их нет, или они все разобраны. Можно, конечно, привезти себе партнёршу и потом, но это придётся делать скоропалительно, не успев познакомиться человека. Здесь сплошь и рядом красотки, привезённые из мест отдыха, оказываются не у дел. А это масса проблем и для покровителя тоже.

Просто есть мероприятия, на которых принято появляться с женщинами. Это ещё та ярмарка тщеславия, но может повлиять даже на карьеру. Если ты отхватил такую женщину – значит ты и сам о-го-го! Я устрою тебе приглашение на какой-нибудь юбилей – сам увидишь.

Побывав на юбилее и полюбовавшись на куколок, обвешанных бриллиантами, я начал присматриваться к своим поклонницам. И понял – есть среди них такая, которая будет неплохо смотреться на элитной вечеринке. Сусанна

с удовольствием переехала в мою соту. Белоснежные локоны, нежная матовая кожа, красивое тело – она, по-моему, проводила большую часть суток в ванной в заботах обо всём этом великолепии. Но когда я появлялся дома – всё было для меня – подстраивалась во всём и ничего не требовала. И, что встречается очень редко, почти не разговаривала. Конечно, такое благополучие слегка скучновато, но мне никто не мешал иногда посещать соты и других поклонниц.

Ещё очень жаль было расставаться со своими школьными друзьями Рудольфом и Филиппом. Если я буду жить так далеко – нам останется только писать друг другу электронные письма. Даже связь там своя. Я не верил в дружбу по переписке и тогда.

– А более тесные контакты, пока ты не сделал карьеру, будут реально возможны только в зонах отдыха.

Об этом мне тоже поведал Тео, когда я ему рассказал о своих друзьях.

И вот, неожиданно, мне представилась возможность напоследок «погулять» с друзьями на полную катушку.

Глава 8. Провальный рейс

Меня пригласили сопровождать экспедицию историков в Россию начала 20 века. Это была одна из первых групп, целью изучения которой, были именно социальные потрясения, произошедшие тогда в Петрограде. Я был им нужен, прежде всего, как хороший специалист по эксплуатации Машины и трансхавера. Точность попадания по времени в те годы была очень плохая. Тогда кое-что зависело ещё и от пилота. Я считался одним из самых опытных.

Предложение звучало для меня престижно и заманчиво. Прежде всего, конечно, в смысле получения новых впечатлений. Заплатить тоже обещали нормально. Когда мы заключали договор, я осмотрел их машину и остался доволен её характеристиками. Загрузка – пять человек, трансхавер тоже пятиместный очень компактный и с хорошей маскировкой. Предполагался полный комплект – четверо историков и я с ними. Буквально за три дня до старта двое из них лететь не смогли. Точно не помню, какие были на то причины. Все документы и комплектацию я уже получил.

Экспедиция не отменялась! На этом настаивали заказчики. Первая моя мысль была о Рудольфе, которому попасть в Питер начала 20 века было бы очень кстати. И может быть даже с Ахматовой мы смогли бы с ним пообщаться. Я позвонил ему первому – он с восторгом согласился. Потом позво-

нил и Филиппу. Узнав, что вся троица участвует, примкнул и он. Я даже не стал сообщать друзьям, что они будут числиться учёными историками. Спросил только у заказчиков. Они совершенно не возражали, что на свободных местах полетят двое других – один из них – доктор, а другой – специалист по Русской культуре.

– Мы будем участвовать в ваших вылазках. Так будет даже безопаснее, – пообещал я.

Переоформлять документы я не стал. Времени для этого уже не было. Меня никто ни разу не проверял из СБ, и я решил, что всё пройдёт гладко и на этот раз. Так и было. Мы благополучно стартовали, правда, без Рудольфа – он сломал палец на руке буквально за несколько часов до старта. Позвонил мне страшно расстроенный, очень сожалел, что не летит с нами.

Мы летели в эпоху, когда противовоздушная оборона ещё не работала. Все границы с воздуха открыты и нам выгоднее всего по местоположению к Питеру окно в Финляндии.

Выходим на поверхность – лето. Это уже хорошо. Длительный световой день, мало осадков.

Грузим в трансхавер всё, что может понадобиться, и вылетаем в Питер.

Я был до этого в Питере с туристами два раза. Но время было выставлено тогда совсем другое – самое начало 21 века. Ориентируясь по золотому куполу Исаакиевского собора, приземляюсь в близких окрестностях в сосновом бору.

Преобразовав наш транспорт, и углубившись немного в почву, получаем походное жильё, из которого мы и будем совершать вылазки в город. Погода, несмотря на явно летнее время, была пасмурная. Лично я такую погоду даже люблю. Во всяком случае, жара и комары – ничуть не лучше.

На разведку нас с Филом не взяли. Станислав, так звали руководителя, забраковал наш внешний вид.

– Вы оба слишком высокого роста. Непонятно под кого вас маскировать. Смешаться с толпой у вас вряд ли получится. Мы с Куртом пойдём сегодня одни. А завтра – когда будет понятно, в какой год мы попали – двинемся все вместе.

Станислав и Курт замаскировались под плохо одетых странников. Оба они хорошо говорили по-русски, и в свои 50—60 лет среднего роста седоватые мужички выглядели вполне безобидно. Парализаторы, однако, были спрятаны в специальные нарукавники, прикрытые одеждой, чтобы их легче было достать при необходимости.

Парализатор – индивидуальное оружие путника. Он действует на человека, лишая его сознания, но время действия – примерно полчаса, по истечении которых «жертвы» начинают просыпаться. Проблема ещё в том, что расстояние до жертвы должно быть не меньше трёх метров. Чтобы не попасть самому в зону действия. Штука достаточно неудобная. К тому же о применении нужно писать отдельный отчёт, по специальной форме, доказывающий, что ситуация угрожала жизни и здоровью путников.

Мы Филом прекрасно провели весь день, гуляя по совершенно пустому окрестному лесу.

Наши спутники вернулись, когда солнце почти село. Настроение у них что-то было не очень хорошее. Подкрепившись и выпив кофе, они сообщили нам следующее:

– Время мы определили по газете, – нам продемонстрировали «Красную газету» за 20 августа 1921 года.

– И чем же вы недовольны? – Я не считал, что мы попали не туда. – Большей точности

достичь просто нереально. Плюс – минус пять лет. Я программировал 1919, чтобы по вашему заказу покрыть период от начала войны с Германией до 1924 года. Вы были согласны на любой год за это десятилетие.

– Никаких претензий к вам, Мартин, мы не предъявляем. Нам просто не совсем повезло.

Гражданская война только что закончилась. В Питере – голод. Население попряталось по своим жилищам. Торговля практически отсутствует. Даже на Невском – малоллюдно.

Зато периодически появляются патрули – небольшие отряды озлобленных вооружённых людей. У нас на глазах пристрелили молодого парня, который всего лишь стащил пирожок с прилавка!

Мы вместе влезли в информационный массив по России этого периода, который был у них с собой:

Забастовка на Путиловском заводе. Рабочие выступают против большевиков. Восстание в Кронштадте. В Питере

вводится военное положение.

Самым близким по времени событием, которое их заинтересовало, оказался Кронштадтский мятеж, увы, недавно разгромленный.

8 февраля умер Кропоткин, совсем недавно – 2 августа умер Александр Блок – самый известный поэт серебряного века. Здесь же в Питере в августе родился Андрей Сахаров – изобретатель водородной бомбы.

22 августа расстрелян за участие в контрреволюционном заговоре Николай Гумилёв – первый муж Анны Ахматовой, блестящий поэт, воин и путешественник.

– А Гумилёв, возможно, жив ещё. И мы можем его спасти. – Это Филиппу первому из нас

пришла в голову эта идея. – Глаза его заблестели, он начал фантазировать, развивая свою мысль.

– Ты что, предлагаешь брать штурмом тюрьму?

– Нет, конечно. Нам надо лишь узнать время, когда узников повезут к месту расстрела.

– Легко сказать. – Я упирался больше для вида.

– Кстати, место, где он похоронен неизвестно. Есть только предположение, что он расстрелян вместе с большой группой участников заговора. Так что наше вмешательство ничего не изменит. – Станиславу тоже понравилась эта идея.

– А что? Если отобьём его у охраны, то вывезем в Финляндию на трансхавере, – Это уже я конкретизировал задачу.

– А не потеряет он свой поэтический дар от всех этих ма-

нипуляции? – Засомневался Курт.

– Всё равно это лучше, чем свалится после расстрела в общий ров. – Заключил Филипп.

Утром мы всё равно отправлялись в город. Нарядившись, Фил и я выглядели какими-то бойскаутами-переростками в штанах и куртках, которые добыли нам историки на блошином рынке. Удивившись и посмеявшись сначала, однако, выйдя в город, я и Фил убедились, что это и есть стиль той эпохи. Мы довольно легко развели местоположение тюрьмы, где содержался Гумилёв. Рядом с проходной располагалась столовая. Время как раз было обеденное. Станислав быстро наладил контакт с женщиной на раздаче. Она ему бескорыстно указала, с кем следует поговорить. За столиком втроём обедали сотрудники ВЧК. Когда двое удалились, один из них, оставшийся за столиком, пошёл с нами на контакт. За толстую золотую цепочку он сообщил, что Гумилёва и других участников заговора повезут на расстрел на следующий день рано утром. И даже показал, через какие ворота их будут вывозить. Удивительно, но лёгкость, с которой нам удалось получить все эти сведения, никого из нас не насторожила.

В этот день впервые светило солнце. Питер, как сказал Курт, смотрелся намного веселее, чем днём раньше. Мы прогулялись по Центру. Вчера мы прочитали в хронике, что власти разрешили частную торговлю. В подтверждение этого те-

зиса по всему Невскому сдирали почерневшие доски с магазинных витрин, вставляли стёкла, чистили фасады. Город пробуждался от долгого оцепенения. Я видел этот проспект, название которого тщетно пытались заменить, в гораздо лучшие времена. А сейчас – мусорные кучи на фоне изысканной архитектуры причиняли почти физическую боль. Но развалин не наблюдалось. Остальное – дело поправимое, как оказалось в исторической перспективе.

*****.

Было не так просто добраться до тюрьмы ранним утром, но что делать? Пришлось идти пешком часа полтора. Мы шли вдоль тюремной стены, но не успели даже подойти к нужным воротам. И тут несколько разношёрстно одетых мужчин с военной выправкой начали окружать нас. Я сразу понял, что это ловушка.

Мы с Филом встали спина к спине и приготовили парализаторы.

– Уходите, – скомандовал я Станиславу с Куртом. Они послушались – побежали. Тех двоих, что бросились за ними, я положил. В это время Фил отбивался в одиночку ещё от троих. Один из них начал стрелять в воздух из пистолета. А когда парализатор на него подействовал – опустил пистолет, и последняя пуля полетела прямо в Филиппа. Лицо его стало удивлённым, потом глаза остекленели, и он рухнул на брусчатку во весь рост.

Я бросился к нему, забыв обо всём. Взвалив Филя на пле-

что, я вставал, намереваясь покинуть поле битвы, на котором валялись неподвижно пятеро мужиков, напавших на нас. И в этот момент подоспело подкрепление. Из подъехавшей допотопной машины высыпали вооружённые люди. Я не успел положить Фила. Меня сразу повалили и начали бить ногами и деревяшками от ружей. Причём, очень усердствовали. Почти сразу я потерял сознание.

Очнулся на холодном каменном полу в запертой комнате. Свет попадал в неё через маленькое квадратное оконце. Тюремная камера – догадался я. Всё тело болело немилосердно. Попробовал пошевелить руками и ногами. Переломов, похоже, нет. Одежды на мне практически не было. А парализатор, как ни странно, был на месте. Нарукавник, в котором он смонтирован, видимо, никого не насторожил. Это давало мне шанс вырваться из неволи.

Скоро я услышал, что в камере открыли замок. Вошедший мужчина пнул меня в бок, и сказал что-то вроде, – Вставай, падаль! Я дёрнул его за ногу и, слегка придушив, отбежал как можно дальше в угол и обездвигил врага. Набросив на себя его куртку и кепку, выскользнул из-за двери, попав в длинный коридор. Я крался вдоль стены, держа парализатор наготове. Пока я вышел из тюрьмы, мне пришлось применить его ещё три раза. До нашего убежища я добрался только ближе к вечеру. Курт и Станислав были на месте. Филипп не появился. Я рассказал им, чем кончилась схватка. Всё лицо и тело у меня было в кропотдёках. Кроме того,

тошнило, и сильно кружилась голова. Станислав заключил:

– Да, отделали тебя крепко. Но всё равно, тебе, похоже, повезло больше чем Филиппу.

*****

Мы могли остаться ещё максимум на двое суток. Утром, применив весь наш запас одежды и загримировавшись, для того, чтобы кардинально изменить облик, Курт и Станислав ушли на разведку. Меня остановили, несмотря на то, что я тоже рвался с ними.

– Всех остальных тоже угробить хочешь? Тоже мне, герой! – Обругал меня Станислав.

– Как же вы его дотащите вдвоём, если разыщете?

– Не волнуйся, если мы его разыщем – привезут на машине как миленькие ещё и носилки предоставят. А вот если тебя загребут, как верзилу, устроившего вчера побоище и сбежавшего из тюрьмы – это будет полный крах. Кто доставит нас в Новейшую Эру? Ты наш проводник и рисковать мы не будем. – Станислав был прав. Тем более толку от меня было бы, в случае чего, очень мало.

– Попробуй привести себя в более-менее вменяемое состояние. Возможно, вылететь придётся сегодня ночью. По инструкции мы уже должны были вылететь, как ты и сам, надеюсь, знаешь. Но путники своих так не бросают. – Это всё мне высказал Курт, одетый в женское платье и обвязанный платком. В другое время я бы улыбнулся, но тогда мне было не до смеха.

Весь день я, умирая от беспокойства за моих товарищей, применял к себе аптечку по полной программе. Вид мой в лучшую сторону не изменился, но общее самочувствие немного поправилось.

Вечером историки вернулись. Мрачные и обессиленные. Без Филиппа. Вот что они рассказали:

– Все шесть тел увезли в морг. Это такое специальное место, где в холодильнике мертвые тела хранятся некоторое время до захоронения. Почти сразу эти пятеро, которых мы завалили парализаторами, начали по очереди оживать. Ажитация, паника. Тем более что через три часа привезли ещё четверых, которых ты обездвигил, когда выходил из тюрьмы. Те начали оживать ещё в труповозке. Про эти чудеса пронюхала пресса. Завтра всё это будет в газетах. А пока весь город гудит про страшного голого антихриста, бегавшего по Питеру и искавшего своих братьев – чекистов. Так что твою вчерашнюю пробежку обыватели не засчитали как оздоровительный бег трусцой. Гумилёва, как мы узнали, забили насмерть прикладами в камере за два дня до нашей вылазки. Этот проклятый чекист обманул нас и заманил в ловушку!

А Филиппа похоронили вместе с другими бедолагами в братской могиле где-то за городом. Мы нашли шофёра, который увозил трупы. Он подтвердил, что один из них был молодой и очень высокий с длинными чёрными волосами.

Сомнений больше нет. Филипп погиб. Я был потрясён

этим известием. Эх! В глубине души я ещё надеялся на благополучный исход. Это я виноват в его смерти! Пригласил его в эту экспедицию погулять чисто за компанию и погубил. Самого лучшего и талантливого из нас троих.

Мне, кстати, тоже не поздоровится. Прежде всего, даже не за смерть Филиппа. А за то, что он у меня числится под чужим именем. Если бы он вернулся – всё так и осталось бы шито-крыто. Применение парализаторов объяснили бы легко, учитывая тяжёлую обстановку в городе. Но сослагательное наклонение, увы, не уместно.

Мы собрали трансхавер и вылетели по направлению к финскому окну. Возвращение прошло в штатном режиме.

Глава 9. Суд

Возвращение на самом деле у меня получилось – врагу не пожелаешь! После перегрузок и стрессов страшно болела голова, к тому же почему-то повисла как плеть левая рука. А самое главное – нас летело пятеро, а вернулось – на одного меньше. Филипп летел под именем учёного историка. Разумеется, я доложил, как положено, о его гибели. И сразу стало ясно, что один член моего экипажа числился под чужим именем.

Чин Службы Безопасности явился за мной прямо в Профилактический Центр. Я был этому даже рад, так как не знал, что мне сказать Амалии. Ей было приказано «обезболить меня» и выписать в распоряжение Службы, не разглашая этот факт остальным сотрудникам Центра. Она лично вколола мне что-то и принесла мою выписную одежду прямо в кабинет. Помогла даже одеться, сочувственно заглядывая в глаза. Я смотреть ей в глаза не мог, и, когда мы с моим конвоем покинули Центр, хоть и небольшой, но увесистый камень упал с моих плеч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.